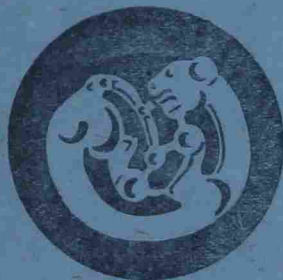

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

III

СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор С. Н. Бибииков

Технический редактор Р. С. Волховер. — Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 26 ноября 1939 г. — Подписано к печати 5 января 1940 г.

54 стр. (12 рис.)

Формат бум. 72×110 см. — $3\frac{5}{8}$ печ. л. + 2 вкл. — 5,12 уч.-авт. л. — 59116 тип. зн. в печ. л. —

Тираж 500 — Ленгорлит № 195 — РИСО № 1273 — АНИ № 611. — Заказ № 1069

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

І. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ ИНСТИТУТА, ПОСВЯЩЕННОМ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ.

(22 X 1939 г).

1. ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Многообразны археологические памятники далекого прошлого Западной Украины. Несколько племенных групп, представленных различными археологическими комплексами, одновременно населяли эту территорию в III и II тысячелетиях до н. э. Менялись их социально-экономический уклад и их культура, изменялись и их территориальные взаимоотношения; одни племена объединялись вместе, другие, напротив, разделялись, одни продолжали жить на старых местах, другие осваивали новые. Разнообразие археологических памятников отражает это далекое, но сложное, подчас наполненное бурными событиями, историческое прошлое Западной Украины.

Польские археологи пытались как-то разобраться во всех этих сложных сочетаниях, выделить различные культурные комплексы, установить их территориальные и хронологические соотношения.¹ Однако они шли по проторенным дорогам миграционизма и диффузионизма, интересовались только распространением, но не развитием, и все изменения культуры объясняли чисто механическим смешением. При ознакомлении с многочисленными произведениями польских археологов поражаешься их формальному, безжизненному подходу к любому комплексу, к любой „культуре“.

По излюбленной в польской археологической литературе исторической концепции, на территории Западной Украины в III и II тысячелетиях до н. э. не создано самостоятельно ни одной новой культуры. Местное население, если оно вообще существовало, было неспособно к какому-либо культурному творчеству и прогрессу. Западная Украина с этой точки зрения была ареной непрерывного движения чужеземных племен то с севера, то с запада, то с юга, ареной смешения самых различных, но всегда откуда-то пришедших культур.

В первой половине III тысячелетия до н. э. в южную часть Западной Украины проникла из придунайских областей древнейшая земледельческая „культура“, так наз. „культура ленточной керамики“. Несколько позднее из Прибалтики в северные районы Западной Украины прибыла так наз. „культура ямочно-гребенчатой керамики“. В конце III и в начале II тысячелетия из верхнего Привисленья в западные районы Западной Украины проникает еще одна „культура“, известная под именем „малопольской“. Сама же „малопольская“ культура, оказывается, возникает там в результате смешения не менее чем трех „культур“ — „культуры ленточной керамики“ Дуная, „иордансмюльской культуры“ верхней Эльбы и верхнего Одера и „мегалитической культуры“ Скандинавии.

¹ Ср. напр.: W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, стр. 35—75.

В это же время из Передней Азии двинулись племена „культуры расписной керамики“, через Балканский полуостров достигли Украины и заняли юго-восточную часть Западной и всю Правобережную Украину (так наз. „трипольская культура“). С севера, главным образом с Ютландского полуострова, затем проникла новая „культура“ со своеобразными могильными сооружениями (каменные ящики) и глиняными сосудами („шаровидные амфоры“). Поселения этой „культуры“ встречаются на дюнах речных долин и, вместе с могилами, иногда охватываются понятием „надбужанской культуры“. Наконец, из области Заалы, средней Эльбы и нижнего Одера распространялась на восток „культура шнуровой керамики“, представленная преимущественно курганными могилами. Эта новая культура смешалась и с „малопольской“ и с „надбужанской“ культурами, образовав ряд своеобразных археологических комплексов.

Так выглядит древнейшая история Западной Украины в трактовке польских археологов. Создается множество самостоятельных „культур“, все эти „культуры“ различным образом передвигаются и перемешиваются, но тем не менее все построение выглядит исключительно статично и безжизненно. Реальные исторические связи и настоящая культурная преемственность остаются или неотмеченными или непонятыми.

Западная Украина была заселена человеком с глубокой древности. Здесь, на этой территории, он пережил и среднюю и высшую ступени дикости (о них свидетельствует серия верхнепалеолитических и множество мезолитических местонахождений) и дожил до второй важнейшей стадии в развитии первобытного общества — стадии варварства, стадии производящего хозяйства. Ранний неолит в Западной Украине представлен множеством своеобразных кремневых орудий — „макролитов“, широко известных в археологии.¹ В это ранненеолитическое время, от VIII до IV тысячелетия до н. э., набор основных орудий производства на громадной территории от берегов Атлантического океана до Верхнего Поволжья и от Скандинавии до Балкан дает поразительно единообразную картину.

Распространение всех этих крупных рубящих орудий объясняется прежде всего потребностями устанавливающегося в эту эпоху оседло-рыболовецкого хозяйства. Ранненеолитические рыболовы еще продолжают жить на тех же самых дюнах речных долин, где кочевали их непосредственные предшественники — охотники и рыболовы тарденуазского времени. Однако многие племена, населяющие, напр., Волинско-Подольскую возвышенность, мало-помалу начинают покидать свои традиционные места поселений и из песчаных речных долин переселяются на лёссово-черноземное плато. В этих новых ландшафтных условиях обнаружены многочисленные находки ранненеолитических макролитов в Подольской области (Поднестровье) и в Полесье.² К чему же приводит эта повсюду наблюдающаяся перемена мест поселений в ранненеолитическую эпоху? Об этом лучше всего рассказывает одно поселение, раскопанное на Бабьей Горце близ Ивановиц в бассейне р. Пялицы.³ Весь комплекс кремневых орудий из названного поселения имеет выраженный макролитический характер. Особое распространение здесь получают асимметричные каменные орудия, теперь используемые уже в качестве наконечников деревянных мотыг — орудий для разрыхления земли. И действительно, мы имеем здесь дело с древнейшим земле-

L. Kosłowski. L'époque mésolithique en Pologne. L'Anthropologie, т. 36, 1926.

Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит и происхождение трипольской культуры (печатается в „Трудах Института археологии АН УССР“).

³ L. Kosłowski. Siedziba neolityczna na Babiej Gorze w Jwanowicach, pow. Miechowski, gub. Kielecka. Swiatowit, XI, 1913.

дельческим поселением — об этом говорят также и находки каменных зернотерок и даже само залегание культурных остатков в лёссовом грунте. В эту пору появляются начатки полировки и сверления каменных изделий. На основе земледельческой оседлости развивается гончарное искусство. Обломки глиняных сосудов, найденные на Бабьей Горце, принадлежат к определенному и хорошо известному керамическому типу — к так наз. ленточной керамике. Все эти любопытные сочетания рассказывают о том, как раннеолитическое население постепенно переходит к производящему хозяйству, осваивает плодородные, пригодные для самого примитивного земледелия лёссовые почвы и вместе с тем переходит к изготовлению посуды из обожженной глины. Этот процесс закономерно осуществляется в бассейнах верхнего и среднего Дуная, среднего Рейна, Эльбы, Одера, Вислы, Днестра — всюду, где распространяется так наз. культура ленточной керамики.

Мы, следовательно, можем отметить известное разнообразие в топографии раннеолитических поселений. В одних случаях они поднимаются на плато, и в этих новых условиях развивается примитивное земледелие. В других же случаях раннеолитические поселения попрежнему остаются связанными с дюнами речной долины и опускаются даже еще ниже — в самую пойменную низину. В последнем случае по-иному происходит переход от раннего к развитому неолиту, ибо в основе его лежит не примитивное земледелие, а постепенно укрепляющееся оседлое рыболовство. Появляющаяся глиняная посуда имеет признаки так наз. ямочно-гребенчатой керамики, широко распространенной по всей лесной полосе нашего Союза. Неолитические поселения этого типа устанавливаются и на территории Западной Украины, преимущественно в ее северной части, на дюнах нижнего и среднего Буга и Припяти со всеми ее притоками и далее на север, на территории Западной Белоруссии.¹

Следовательно, мы имеем возможность проследить два основных пути возникновения неолитической культуры. Один из этих вариантов, связанный с развитием рыболовства, в представлениях польских археологов превращается в миграцию из Прибалтики и Средней России, а второй оказывается переселением земледельческих придунайских племен в области Вислы, Сана и Днестра. На самом же деле одни раннеолитические племена покидают свои прежние места обитания и, осваивая земледелие, поднимаются на лёссовые плато, где складывается так наз. культура ленточной керамики. Другие остаются в речных долинах и развивают рыболовческое хозяйство и культуру ямочно-гребенчатой керамики.

До самого последнего времени местонахождения типа так наз. культуры ленточной керамики на территории Западной Украины известны были в немногих пунктах: в области Сана, у Колодницы близ Стрия, у Букивни близ Тлумача и у Торски близ Залешиков.² Совсем недавно (1937—1938) целая группа поселений этого типа была открыта в Луцком уезде.³ Эти земледельческие общины, вероятно, непосредственно соприкасались с рыболовческими племенами лесного неолита.

На значительной части территории Западной Украины в III тысячелетии до н. э. существовали древнейшие в Европе земледельческие общества с керамикой, орнаментированной спиральными лентами из

¹ L. Kosłowski. Stan i zadania badan nad epoka kamienna w Polsce. Wiadomości archeologiczne, VII, 1922, стр. 18.

² W. Antoniewicz. Z badan archeologicznych u gornem dorzeczu Dniestru Wiadomości archeologiczne, VI, 1921, стр. 79—91.

³ J. Fitzke. Nowe wykopaliska. Z otchłani wiekow, XII. вып. 6 и 11—12, 1937. — См. статью Z. Leski в „Z otchłani wiekow“ (XIII, вып. 1—2, 1938). — Fitzke. Tego-roczne badania archeologiczne na Wołyniu, там же, XIII, вып. 9—10, 1938.

нарезных линий. Этот факт ставит перед советской археологией новый и важный вопрос о соотношении между культурой ленточной керамики и так наз. трипольской культурой, широко распространенной на Правобережной Украине, в Киевской, Житомирской, Винницкой, Подольской и Одесской областях и Молдавской АССР. Трипольские поселения встречаются на территории Западной Украины, преимущественно в ее юго-восточной части, причем в настоящее время здесь насчитывается около 100 местонахождений этого типа.¹ Впрочем, уже давно известен один расписной сосуд из Сокола над Бугом. В 1936 г. появилось интересное сообщение об открытии следов поселения трипольского типа на Волыни в Дубенском уезде,² что вполне согласуется с границами распространения трипольской культуры в Житомирской области УССР. Иными словами, на территории Западной Украины распространение так наз. культуры ленточной керамики и распространение поселений трипольско-

о типа на довольно значительном пространстве совпадают друг с другом, но первая прослеживается затем дальше на запад, а вторые далее на восток, вплоть до Днепра.

Польские археологи, как известно, ведут трипольский комплекс из Передней Азии и поэтому полностью игнорируют черты глубокой общности, существующие между ним и так наз. культурой ленточной керамики. В основе этой общности лежит значительное сходство систем хозяйства — примитивное земледелие с возделыванием пшеницы и, может быть, ржи,³ как ведущая отрасль производства, начинающееся скотоводство и на более или менее второстепенном положении охота и рыболовство. В соответствии с этим в поселениях с ленточной керамикой всегда выступает в качестве важней-

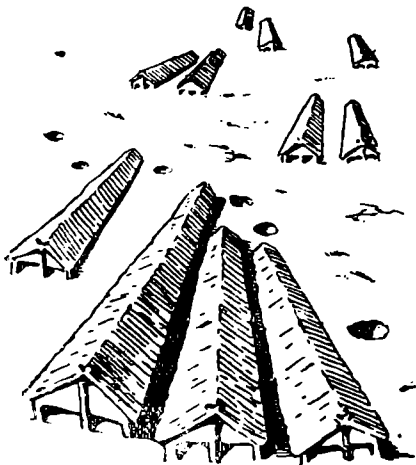

Рис. 1. Поселение „культуры ленточной керамики“ на Куявах (реконструкция).

шего орудия труда асимметричное колодкообразное или плоское мотыговидное орудие из сланца и сравнительно редки, а иногда и вовсе отсутствуют кремневые топоры. Эти же самые признаки характеризуют и комплексы орудий труда из всех трипольских местонахождений, за исключением наиболее поздних.

В поселениях с ленточной керамикой люди обитали в жилищах, значительная часть которых была углублена в землю. Поселения состояли из множества беспорядочно расположенных жилых, очажных и амбарных ям округлых или совсем неправильных очертаний.⁴ Ямы эти часто соединялись друг с другом, образуя обширные комплексы. Один такой комплекс был полностью вскрыт в поселении на горе Клин у Ивановиц. Он имел около 14 м длины и 5—6 м ширины⁵ и представлял собой один большой длинный дом, состоящий из нескольких камер с отдель-

¹ T Sulimirski. Sprawozdanie dzialnosci łwowskiego ośrodka prehistorycznego. Z otchłani wieków, X. вып. 2 1935.

² J. Fitzke. Nowe wykopaliska. Z otchłani wieków, XI, вып. 8—9, 1936.

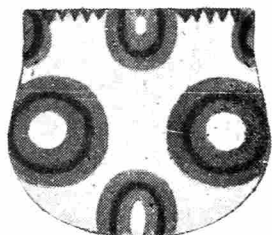
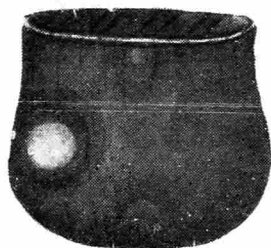
³ L. Kosłowski. Młodsza epoka kamienna. 1924, стр. 52.

⁴ J. Kostrezewskie. État actuel des recherches sur l'architecture préhistorique en Pologne et dans les pays limitrophes. Inst. Intern. d'Anthr., 2-me Sess., Prague, 1924, стр. 342.

⁵ L. Kosłowski. Młodsza epoka..., стр. 46 и табл. X, 1.

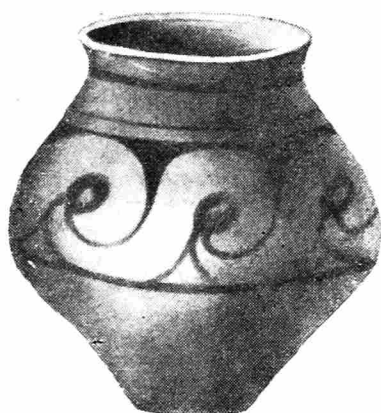
1

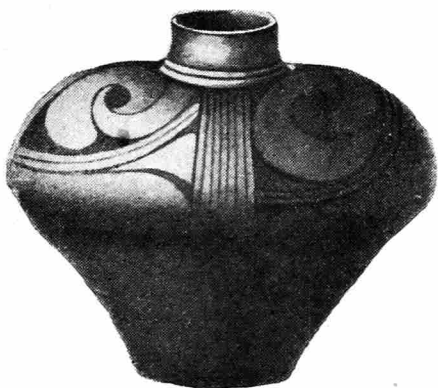
2

3

4

5

6

Рис. 2. Керамика из Бильче-Злоге.
1, 2, 3 — нижний горизонт; 4, 5, 6 — верхний горизонт.

ными очагами в каждой. Часть подобного сооружения была раскопана и у Торски близ Залещиков, недалеко от места впадения Збруча в Днестр. За последние годы при раскопках поселения с ленточной керамикой на Куявах (Влоцлавский уезд на Висле) были открыты остатки больших наземных сооружений — настоящих „длинных домов“ в среднем 23, а максимально 40 м длины и до 6 м ширины (рис. 1). Таких огромных зданий, одновременно являвшихся и многосемейными родовыми жилищами и постройками разнообразного хозяйственного назначения, в поселке было не менее 50 или даже 60.¹ Эти любопытные сооружения, вместе с многими другими частично углубленными в землю или наземными большими домами, известными и далее на запад в поселениях с ленточной керамикой, отражают основную тенденцию развития домостроительства в неолитических земледельческих обществах.

Такие же большие, многосемейные и многоочажные прямоугольные дома, но со стенами, обмазанными глиной, и с обожженным глиняным полом представляют собой детально изученные советской археологией² жилые сооружения трипольской культуры, остатки которых обычно называются „площадками“. Трипольское домостроительство и в его исходных формах и в дальнейшем его развитии обнаруживает черты глубокого, принципиального сходства с домостроительством так наз. культуры ленточной керамики.

А как обстоит дело с самой керамикой, как известно, считающейся в археологии наиболее чутким показателем хронологических и племенных взаимоотношений? Что представляет собой наиболее ранняя в Западной Украине трипольская керамика? Почти полному забвению преданы были любопытные результаты раскопок Оссовского в 1892 г. в одном из пунктов у Бильче-Злоте Борщовского уезда. А между тем, здесь были установлены два культурных горизонта, отделенные друг от друга стерильным слоем в метр толщиной (рис. 2).³ Керамика нижнего горизонта отличалась от керамики верхнего и отвечала наиболее ранней фазе в развитии трипольской культуры на территории Западной Украины. Это были сосуды округлых очертаний, орнаментированные росписью в несколько красок. Подобные сосуды были встречены у Городницы под Городенкой,⁴ затем, напр., в Кадиевцах Подольской области и далее на восток в поселениях, отнесенных Хвойко к так наз. „культуре А“. В Западной Украине в одном из поселений у Незвишки под Городенкой, расположенном на второй террасе и по своему стратиграфическому положению являющемся здесь наиболее ранним памятником трипольской культуры, вместе с расписными сосудами найдены керамические фрагменты, орнаментированные спиральными лентами из нарезных линий и поразительно напоминающие произведения ленточной керамики.⁵ Керамика „культуры А“ представляет собой такое же

¹ S. Madajski. Czym byly wielkie budowe z mlodszej epoki kamiennej, odkryte w brzesciu Kujawskim. Z otchłani wiekow, XIII, вып. 1—2, 1938; см. там же, XI, вып. 7—8 и 11—12, 1937; XI, вып. 10—11, 1936.

² Т. С. Пассек. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет. Вестн. древн. ист., № 1 (2), 1938. — Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломищине и проблема „Трипольских площадок“ (печатается в „Трудах Института археологии АН УССР“). — Он же. Трипольские площадки (печатается в „Советской археологии“, № 6).

³ G. Ossowski. Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleo-etnologicznej po Galicyi (w r. 1892). Zbiór Wiadomości do antropologii Krajowej, XVIII, 1895; ср. его же отчеты там же, (тт. XIV, 1890; XV, 1891; XVI, 1892).

⁴ Ср. отчеты Kopernicki и Przybyslawski в „Zbiór Wiad.“ (II, 1878; III, 1879; VIII, 1884). — Przybyslawski. Repertoryum zabytkow przedhistor. Lwow, 1906.

⁵ B. Richtofen. Zum Stand der Vor- und Frühgeschichtsforschung in den westukrainischen Ländern. Prähist. Zeitschr., XV, 1934, стр. 183. — T. Sulimirski. Klimat and population. Torun, 1935.

закономерное и естественное усовершенствование ленточной керамики, как и моравская расписная керамика или как, напр., известный Бутмирский (Югославия) керамический комплекс, с сосудами, близко напоминающими грушевидные урны среднего Поднепровья. Мы, следовательно, приходим к выводу, важному для понимания происхождения и сущности „триполья“. Прimitивно-земледельческие племена, выделявшие так наз. ленточную керамику, населяли за три-две с половиной тысячи лет до н. э. огромное пространство от Марны до Днестра. Но в бассейне Днестра и Днепра из всей массы этого стадияльно однородного населения выделялась группа племен со своеобразной и несколько более развитой культурой. У этих племен раньше, чем у других, появились большие наземные прямоугольные постройки, относительно совершенная керамика, первые предметы из меди. Так возникла на территории Восточной и Западной Украины так наз. трипольская культура и вместе с тем установилось глубокое культурное единство между этими областями уже во II тысячелетии до н. э. Это культурное единство с тех пор только укреплялось и не прерывалось никогда.

Изучение западноукраинского „триполья“ еще раз показывает полную несостоятельность всех попыток сохранить относительно хронологическую схему Хвойко. Стратиграфия Бильче-Злоте вполне соответствует стратиграфии Кукутен и некоторых других трипольских местонахождений в Румынии. „Культура В“ (по Хвойко), в широком смысле этого слова, представленная на Западной Украине поселениями типа верхнего горизонта пещеры Бильче-Злоте или Кошиловцев,¹ отвечает и здесь более поздней фазе в развитии трипольских племен. Недаром же в бильчезлотенской пещере были найдены: четырехгранное медное шило, бронзовый кинжал в виде ивового листа, серповидный бронзовый нож и две бронзовых бусины. В Кошиловцах же вместе с двумя бронзовыми шильями, бусиной из бронзовой пластинки, костяным кинжалом, явно имитирующим металлический, встречена была небольшая серебряная спиралька.

Вполне естественно, если в подобных наиболее поздних трипольских местонахождениях меняются и формы домостроительства. Постепенно исчезают многоочажные и многосемейные большие родовые жилища. В одном из наиболее поздних поселений у Незвишки над Днестром² были открыты остатки небольшого прямоугольного строения на столбах, так наз. „мегарона“, с входной частью, резко отделенной от очажной. А у Бучача все поселение состояло из небольших одноочажных квадратных землянок. Наконец, поздне трипольские землянки были открыты в 1936 г. у Карнича близ Коломея.³ Найденная там керамика уже не имела следов росписи. На Украине постепенное исчезновение своеобразного трипольского домостроительства и распространение наземных или частично углубленных в землю построек нового типа шло рука об руку с радикальным изменением всего характера материальной культуры и, в частности, с исчезновением трипольских керамических типов и появлением новой керамики. Об этом говорят поселения на Киевских высотах, у Городска под Житомиром, у Евминки под Острогом, у Уса-

¹ K. Hadaczek. Osada przemysłowa w Koszylowcach z epoki eneolitu. Lwow, 1914.

² L. Kosłowski. Budowle kultury ceramiki malowanej w świetle badań przeprowadzonych w Koszylowcach, Niezwickach i Buczaczu. Lwoń, 1930.

³ J. Pasternak. Moje badania terenowe w 1936 r. Z otchłani wieków, XII, вып. 7—8, 1937.

това под Одессой, и находки из верхних слоев Кукутен.¹ В позднетрипольском поселении у Зеленчи Трембовльского уезда² или в Кошиловцах вместе с расписной керамикой уже встречаются керамические фрагменты, орнаментированные оттисками различных штампов и, между прочим, веревочки. Некоторое время спустя эта веревочная или шнуровая керамика станет уже безусловно господствующей, и от специфической трипольской керамики, как и от всей трипольской культуры, останутся только еле уловимые пережитки.

Мы подошли к одному из сложнейших вопросов европейской археологии. Каковы были исторические судьбы земледельческих племен, оставивших произведения так наз. ленточной керамики? Археология Западной Украины дает возможность ответить на этот вопрос. Проследим прежде всего исторические судьбы тех земледельческих обществ так наз. культуры ленточной керамики, которые не вошли в группу трипольских племен и, следовательно, занимали западную половину интересующей нас области. Эти общества не оставались неизменными, а в своем развитии трансформировались в так наз. иорданскульскую культуру, распространенную по нижней Эльбе, Одеру и Висле.³ В польской археологической литературе, однако, эти и близкие иорданскульскому типу культурные комплексы получили особые названия — культур „радиальной керамики“ и „малопольской“.⁴ Среди многих других новых керамических форм в этих комплексах появляются особые „кубки с воронковидным краем“ и „фляги с воротником“. Для польских археологов это является бесспорным показателем миграции племен малопольской культуры из Дании до Западной Украины. А между тем эти же самые кубки и фляги повсеместно выступают в комплексах, безусловно относящихся к позднейшей фазе развития культуры ленточной керамики.⁵

В то время как в восточной части Западной Украины выделялись и развивались трипольские племена, на западе этой территории примитивно-земледельческие общества, характеризующиеся ленточной керамикой, в свою очередь переходили на новый исторический этап и в связи с этим менялась вся их материальная культура и, в частности, керамика.

Важнейшим фактом для этой исторической фазы является исчезновение постоянной связи поселений с плодородными лёссовыми плато. Поселения снова спускаются в речную долину и располагаются на дюнах нижних террас. Но уже не охота и не рыболовство, как раньше, а скотоводство, вызвавшее острую потребность в пастбищах, вынуждало первобытные племена осваивать заливные луга речных долин. Они перегоняли свои стада от пастбища к пастбищу, делая временные остановки на дюнах и сохраняя в качестве исходных баз постоянные земледельческие поселения на плато. Именно поэтому так наз. „малопольская“ культура представлена, с одной стороны, скоплениями соответствующих

¹ История СССР, т. I (изд. АН СССР на правах рукописи), 1939, стр. 119—124. — Е. Ю. Кричевский. Об исчезновении трипольской культуры (печатается в сборнике „Палеолит и неолит СССР“, ИИМК АН СССР).

² W. Demetrykiewicz. Poszukiwania archeologiczne w pow. trembowelskim. Materiały Antr.-Arch., IV, 1900.

³ G. Childe. The Danube in prehistory. Oxford, 1929, стр. 81 и 130. — Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. ИГАИМК, № 100, стр. 175 и сл.

⁴ J. Zurowski. Neue Ergebnisse der neolithischen Forschung im südwestpolnischen Lössgebiet. Prähist. Zeitschr., XXI, 1930. — Он же. Problem kultury ceramiki promienistej. Wiadomości archeologiczne, XII, 1933. — L. Kościowski. Epoka kamienna na wydmach wschodniej części wyzyny małopolskiej. Lwow—Warszawa, стр. 112 и сл.

⁵ K. Jażdżewski. Kultura puharow lejkatowych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Poznań, 1936, стр. 306—312.

культурных остатков на дюнах, а с другой — поселениями на плато с небольшими одноочажными жилищами, частично углубленными в землю.¹ Любопытно, что для этих постоянных поселений теперь преимущественно выбираются возвышенности с крутыми склонами, со всех сторон защищенные водными протоками и оврагами. Из многочисленных местонахождений этого типа в области верхнего Буга особое внимание заслуживает поселение у Грцибовице Мале под Львовом. Это древнейшее городище Украины было окружено искусственным валом.

Перед нами совершенно новая картина. Все увеличивающееся значение скотоводства привело к определенному изменению образа жизни. Систематически, но кратковременно посещаемые пастбища речных долин сочетаются с постоянными, надежно защищенными земледельческими поселениями на возвышенностях. Исчезают большие многосемейные и многоочажные родовые жилища. Меняется вся культура, а вместе с ней и керамика. „Малопольский“ керамический комплекс, первоначально выступающий вместе с поздней ленточной керамикой, постепенно оттесняет ее, и на основе этого складывается ряд новых керамических типов.

В польской археологической литературе каждый из них отвечает особой культуре и особой миграционной волне. Но при таком понимании керамика воронковидных кубков, керамика шаровидных амфор или шнуровая керамика — все это только искусственные абстракции. В действительности они почти никогда не встречаются в чистом виде, обычно сосуществуя друг с другом и с поздней ленточной и трипольской керамикой. Известные исследования у Злоте и в других местах нижнего Повисленья² показали, что в поздненеолитическое время здесь у одних и тех же племен одновременно использовались и сосуды поздней ленточной керамики, и воронковидные кубки, и шаровидные амфоры, и образцы шнуровой керамики. Правда, степень смешения всех этих керамических типов в различных местах была далеко не одинаковой.

Из массы варварских земледельческих племен с так наз. культурой ленточной керамики выделялись скотоводческие племена, осваивающие заливные луга речных долин и примыкающие к ним дюны. У этих племен развивались новые приемы гончарного искусства: в одних случаях преимущественно керамика шаровидных амфор, в других — шнуровая керамика, в третьих же — различное их смешение. Таким образом различие керамических типов не может быть следствием бесчисленных миграций, конструируемых польскими археологами. Является ли, напр., присутствие шаровидной амфоры в поселениях Западной Украины непременно показателем миграции из Ютландского полуострова? Уже отмечены многочисленные факты сосуществования у одних и тех же племен шаровидных амфор вместе с образцами „малопольской“ и поздней ленточной керамики. Большой интерес представляет, напр., одна шаровидная амфора из Ивно (Познань), покрытая ленточной орнаментацией.³ Еще интереснее целая серия сосудов, закономерно появляющихся в поздних трипольских поселениях, — это настоящие шаровидные амфоры, покрытые расписной орнаментацией. Это устанавливается и в Коши-

¹ K. Jażdżewski. Kultura pubarow lejkowatych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Poznań, 1936, стр. 292—294.

² W. Antoniewicz. Eneolityczne groby szkieletowe we wsi Złota w pow. Sandomierskim. Wiadomości archeologiczne, IX, вып. 3—4, 1925, стр. 192—244. — J. Zurowski. Dwa gręby Kultury Złockiej. Księga Pamiątkowa ku uczczeniu 70 r. urodzin pr. W. Demetrykiewicza. Poznań, 1930 — Ср.: Z otchłani wieków, IV, вып. 1, 1929; Wiadomości archeologiczne, X, 1929, стр. 218; IX, 1925, стр. 20—27. — L. Kosłowski. Badania archeologiczne na gorze Klin w Jwanowicach, pow. Miechowskię. Warszawa, 1917.

³ G. Kossina. Der Ursprung der Urfinnen und Urindogermanen und ihre Ausbreitung nach Osten. Mannus, II, 1910, рпс. 1.

ловцах и в Бучаче. Расписные шаровидные амфоры известны из Сокала над Бугом¹ и из Городска над Тетеревым. Близкие формы дают поздние трипольские курганы Одесской области и Молдавской АССР. Подобные же изменения керамических форм закономерно прослеживаются у конных овцеводов Усатовского поселения под Одессой.²

Сама керамика шаровидных амфор и вся связанная с ней культура является закономерным результатом дальнейшего развития примитивно-земледельческих племен, в восточной части Западной Украины трипольских, а в западной — племен с „малопольской“ и поздней ленточной керамикой.

Крайне интересно поэтому установить, что представляют собой поселения этого нового культурно-племенного образования. Чаще всего следы поселений этого времени встречаются на дюнах речных долин. Дюны, временно покинутые в условиях господства примитивно-земледельческого хозяйства, сейчас снова привлекают первобытное население, прежде всего прилегающими к ним заливными пастбищами-лугами. В этого рода поселениях на дюнах Буга и других рек Западной Украины найдено множество технически совершенных кремневых орудий: „кривых ножей“, наконечников стрел и копий, кинжалов и топоров.³ Население их оставило, кроме того, множество встречающихся по всей Западной Украине могильных сооружений в виде каменных ящиков. Каменные ящики являлись семейными усыпальницами. Во многих случаях при раскопках можно было выделить одно основное захоронение и несколько дополнительных и второстепенных.⁴ В одной такой могиле у Чарнокинцев близ Гусятина было встречено три скелета: один из них, лежавший на спине с подогнутыми ногами, занимал большую часть могилы, а два других, скорченных, скелета были сдвинуты в противоположный ее конец.⁵ В одной подобной могиле у Заставе близ Тарнополя была определена половая принадлежность скелетов — один, центральный, был мужским, два других — женскими. Совершенно такие же каменные ящики, известные в Подольской и Житомирской областях, как и одновременные им усатовские курганы, еще выразительнее говорят о том, что наблюдаемые хозяйственные сдвиги не проходят бесследно и для семейно-родовых отношений. То радикальное изменение материальной культуры, которое выражает переход от так наз. культуры ленточной керамики и трипольской к новым культурно-племенным образованиям, связанным с керамикой „малопольской“, шаровидных амфор или шнуровой, является археологическим отражением одной из решающих в человеческой истории революций — перехода от матриархата к патриархальным отношениям.

Остается рассмотреть вопрос о так наз. культуре шнуровой керамики. Нам известно уже, что в позднетрипольских поселениях, как, напр., Кошиловцы, Городск или Усатово, где столь ясно прослеживается появление шаровидных амфор, выступают все увеличивающиеся в своем

¹ L. K o s t o w s k i. Młodsza epoka..., табл. XXXI, 4, 7, 12. — W. Antoniewicz. Archeologia Polski, табл. XIII, 5, 6.

² T. P a s s e k. La céramique tripolienne. 1935, табл. XVIII₁, 7; XVIII₂; XVIII₃.

³ J. P a s t e r n a k. Ruske Karpaty v archeologii. V Praze, 1928, стр. 13 и 102—107.

⁴ Этот известный „надбужанский промысел“ отвечает потребностям скотоводства и охоты. Известное усиление последней иногда сопровождается ростом скотоводства.

⁵ B. J a n u c z. Kultura przedhistoryczna Podola Galicyjskiego. Lwow, 1914. — Он же. Typy etniczne i kulturalne w prehistorii Galicyi. Lwow, 1911. — Он же. Z paleo-antropologii Galicyi Wsch. Warszawa, 1911.

⁶ A. K i r k o r. Zbior Wiad., II, 1878; ср. также: Zbior Wiad., I, 1877; III, 1879. — A. K o h n u. C. M e h l i s. Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östl. Europa. Jena, 1879. — L. K o s t o w s k i. Groby megalityczne na wschod od Odry. 1921.

⁷ O s s o w s k i. Zbior Wiad., XV, 1891, стр. 19—27.

значении произведения шнуровой керамики. Нам известно также, что в поселении у Злоте, на горе Клин и в других местах нижнего Повисленья сосуды шнуровой керамики встречаются не только вместе с шаровидными амфорами, но и вместе с образцами „малопольской“ и поздней ленточной керамики. На Западной Украине в некоторых каменных ящиках тоже встречаются шаровидные амфоры или другие сосуды с веревочным орнаментом,¹ а в курганах, характерных для культуры шнуровой керамики, — шаровидные амфоры.² Аналогичное смешение наблюдается в формах могильного устройства, погребальных обрядах и т. п. Все это разнообразие отвечает естественным различиям в культуре целого ряда скотоводческих племен, выделяющихся в это время из остальной массы варваров. Местонахождения так наз. культуры шнуровой

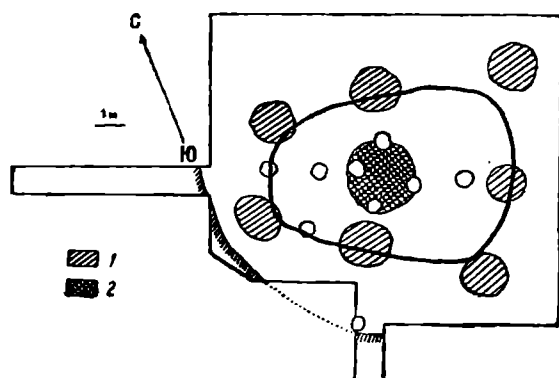

Рис. 3. План дома на Майдане Моквинском („культура шнуровой керамики“).

1 — углубления от столбов; 2 — очаг.

керамики встречаются и на дюнах,³ там, где были временные лагеря скотоводов, и на плато, там, где были их постоянные поселения. Такие поселения теперь стали известны у Гродка под Ровно и в различных пунктах Луцкого уезда.⁴ Особенно интересно поселение, раскопанное в 1938 г. на Полесье в Майдане Моквинском Костопольского уезда.⁵ Поселение было расположено на небольшом островке посреди болот. Оно, очевидно, состояло из небольших (7 м длины и 3—6 м ширины) наземных строений на столбах, с одним очагом в центре каждого из них (рис. 3). Керамика, найденная там, ближайшим образом напоминала шнуровую керамику из позднетрипольских поселений у Городска или на Киевских высотах. В других поселениях со шнуровой керамикой на

¹ W. Antoniewicz. Z dziedziny archeologii ziem Polski. Swiatowit, XVII, 1936/37, стр. 406.

² L. Kosłowski. Młodsza epoka..., табл. XXVII, 4, 9 и др. — О новейших раскопках ср.: J. Bryk. Kurhany ze szkieletami skurczonemi w Kaczanowce w pow. Skalaickim, Woj. Tarnopolskie, Ksiega pamiatkowa. — О н же. Badania archeologiczne w Ostapiu na Podolu. Swiatowit, XVI, 1934—1935.

³ J. Bryk. Osady epoki kamiennej na wydmach nadbuzanskich. Wiadomości archeologiczne, IX, стр. 63—67. — О н же. Tymczasowe sprawozdanie z badan archeologicznych we Wschodniej Malopolsce. Z otchłani wiekow, V, вып. 6, 1930.

⁴ J. Sawicka. Sprawozdanie z badan archeologicznych wykonanych w lecie 1926 r. na Wolyniu. Przegląd archeologiczny, т. III, 1927, стр. 206—207. — Ср.: Z otchłani wiekow, I, вып. 1—2, 1926; XIII, вып. 9—10, 1938. — S. Podkowska. Wykopalka w Strzyzowie przeprowadzone w lecie 1935 r. Z otchłani wiekow, XI, вып. 6—7 и 12, 1936.

⁵ T. Sulimirski. O polskiej praojczyźnie slowian. Z otchłani wiekow, XIV, вып. 3—4, 1939.

Западной Украине (напр. у Гродка на Вольни) были открыты жилища, более или менее значительная часть которых была углублена в землю.

Скотоводческие племена, изготовлявшие шаровидные амфоры или сосуды шнуровой или „малопольской“ керамики, не только не покинули своих насиженных мест, но расселились далее на север и на восток, осваивая прежде почти никем не заселенные территории. Так появились племена „малопольской“ культуры в области Камень-Коширского, Брест-Литовска и Белостока (Бельска, Остроленки и Ломжи).¹ Еще шире распространились племена шнуровой керамики — они дошли до Виленской области и до Брянска на севере и перешли Днепр на востоке.

В первой половине II тысячелетия до н. э. культура первобытных племен на территории Западной Украины принимает более однородный характер. Культура эпохи ранней бронзы является здесь результатом дальнейшего развития скотоводческо-земледельческих патриархальных племен, характеризующихся шнуровой керамикой. Она представлена различными могильными памятниками, причем на ряду с курганами здесь встречаются плоские грунтовые могилы и даже каменные ящики и на ряду с трупосложением — трупосожжение.

На значительной территории от Луцка на севере, до Перемышля на западе и до Городенка на востоке, в этих могилах встречаются различные сосуды, чаще всего покрытые шнуровым орнаментом, и различные предметы из металла.² Среди них полный набор типичных для первого (унетицкого) периода бронзы украшений (кольца, браслеты серьги, бусины, бляхи), главным образом из бронзы, а иногда олова и золота. При раскопках в Белом Потоке Чортковского уезда было установлено, что могилы подобного типа разрушили прежде существовавшее на этом месте трипольское поселение.³ Это снова подтверждает наше понимание хронологических соотношений различных культурных комплексов на территории Западной Украины.

В эпоху ранней бронзы постепенно исчезает первобытная изолированность и культурная пестрота отдельных племенных групп, и на обширных территориях устанавливаются значительные культурно-этнографические единства. И прежде всего очевидная культурная общность прослеживается на обширной территории Поднепровья, Поднестровья и Повисленья, там, где распространяется эта культура поздней шнуровой керамики.

Решение сложных вопросов об этногенезе на этих древнейших русско-славянских территориях, с нашей точки зрения, невозможно без учета отмеченных этапов этногенетического процесса.

Е. Ю. Кричевский.

¹ K. Jażdżewski. Kultura pucharów lejkwatych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Poznań, 1936, стр. 450.

² Я. Пастернак. Перша бронзова доба в Галичині в світі нових розкопок. Отт. из „Записки Наукового Товариства, ім'єни Шевченка“ (т. CLII, вып. II, 1933). — Он же. Moje badanie terenowe w 1935 r. Z otchłani wieków, XI, вып. 10—11, 1936. — Он же. Moje badanie terenowe w 1936 r. Z otchłani wieków, XII, вып. 7—8, 1937.

³ J. Kostrzewski. Groby eneolityczne z skurczonemi szkieletami w Białym Potoku (w pow. czortkowskim). Przegląd archeologiczny; III, 1925.

2. ЗОДЧЕСТВО ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ В XII—XIII вв.

Зодчество Галицко-Волынской земли до последнего времени не привлекало внимания исследователей истории древнерусского искусства. Немногочисленные специальные статьи, посвященные отдельным памятникам галицко-волынского зодчества, появлявшиеся в украинской (зарубежной) и польской печати, рассматривали эти памятники не столько в свете основных проблем истории культуры и искусства древней Руси, сколько в узко-краеведческом плане.

Между тем памятники галицко-волынского зодчества XII—XIII вв. представляют исключительный интерес не только для истории культуры Западной Украины. Эти памятники открывают новую блестящую страницу в истории культуры и искусства всей древней Руси, позволяя гораздо глубже изучить и понять ряд наиболее сложных и, вместе с тем, исключительно ярких страниц этой истории.

Еще в конце X в. Волынская земля втягивается в орбиту киевской государственности. Подобно своим восточным соседям, древлянам и дреговичам, волыняне входят в состав крепнущего Киевского государства. Успешный поход Владимира Святославича на Польшу в 981 г. окончательно устанавливает западную границу Киевской Руси. Наиболее удаленная от Киева северо-западная часть Волыни (Червенская земля) входит в состав владений киевского князя. Повидимому, именно в это время вместо древнего города Волыни, бывшего главным племенным центром волынян, новым политическим центром Волынской земли становится город Владимир Волынский. Развалины городища, связываемого с древним племенным центром, находятся в 20 км от современного города Владимира Волынского.

В 992 г. во Владимире была учреждена епископская кафедра. Несомненно, что с этим фактом можно связать и первую церковь, выстроенную, как говорит предание, по инициативе самого Владимира. Однако от постройки Владимира не сохранилось никаких следов. Развалины Успенского собора, сохранившиеся во Владимире Волынском в очень поздней перестройке и реставрированные в 1896 г. по проекту Г. И. Котова, относятся безусловно к гораздо более позднему времени. По свидетельству поздней Никоновской летописи, Успенский собор выстроен кн. Мстиславом Мстиславичем в 1160 г. Несомненно, что к этому же приблизительно времени относятся и развалины церкви в урочище Старая Кафедра над р. Лугом, связываемые традицией с упоминаемой летописью церковью Дмитрия.

Оба эти здания имеют почти аналогичные планы, представляя собою трехнефные шестистолпные постройки с тремя апсидами на востоке (рис. 4). Обе церкви имели полуколонны на пилястрах, а Успенский собор кроме того сохранил на фасадах аркатурный пояс, отрезающий закомары (рис. 5). Оба здания сложены из плоского квадратного кирпича на растворе извести с примесью толченого кирпича. На стенах Успенского собора во время реставрации 1896 г. были обнаружены фрагменты фресковой росписи XII в.

Обе постройки и по особенностям строительной техники и по стилю теснейшим образом связаны с развитием древнерусского зодчества периода феодальной раздробленности. К концу XI в. внутри Киевского государства созревают силы, разрывающие его территориальное и политическое единство. Огромная территория державы Рюриковичей распадается на ряд самостоятельных феодальных образований. Наступает так наз. период феодальной раздробленности. Сам Киев в XII—XIII вв. быстро начинает терять то крупное европейское значение, которое он имел в начале и середине XI в. Чем больше падала роль Киева, тем быстрее росли и богатели

новые центры обособляющихся княжений (Новгород, Смоленск, Полоцк, Владимир, Владимир Волынский, Галич и др.). По своему внешнему облику эти города были совсем не похожи на Киев. Былая претенциозная пышность столицы Киевской Руси была совсем не к лицу новым феодальным центрам. Они скромнее и по размеру и по своему архитектурному оформлению. Новый социальный облик этих городов не мог не отразиться на развитии архитектуры. Стремление выразить архитектурным оформлением новых удельных столиц возросшее значение и силу обосо-

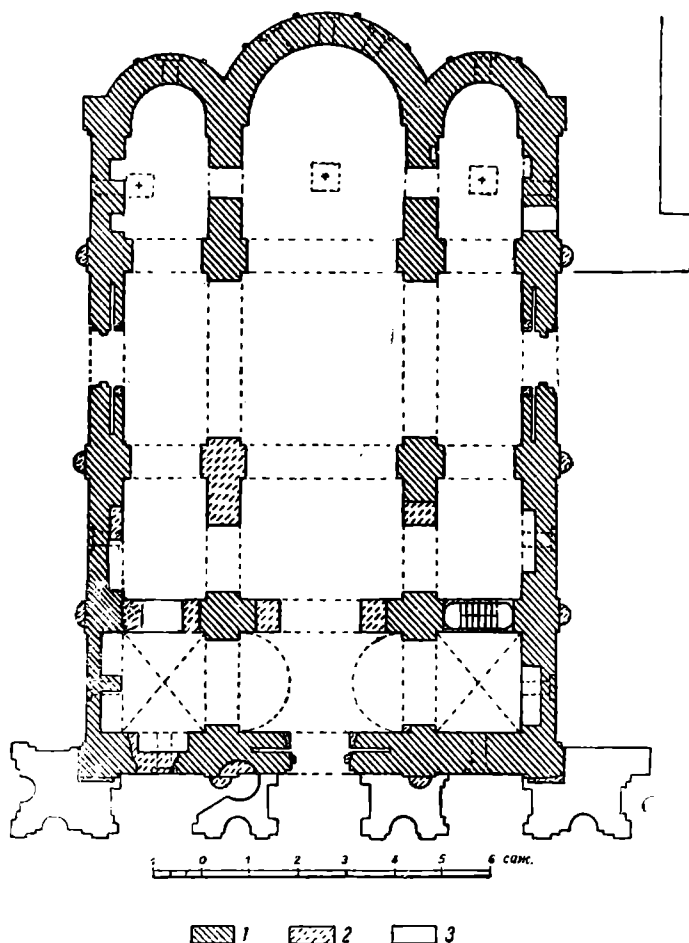

Рис. 4. План Успенского собора в г. Владимире Волынском.

1 — древняя кладка; 2 — части, восстановленные при реставрации XIX в.;
3 — части, удаленные при реставрации XIX в.

бывшихся частей Киевского государства осуществляется иными средствами, чем ранее. Образцами новых архитектурных решений нередко служили памятники того же Киева, но созданные уже в новых условиях завершившегося процесса феодализации самого Киева.

Пышное строительство эпохи Ярослава, придавшее Киеву в короткий срок облик „соперника Константинополя“, уже в конце XI, а особенно в XII в. сменяется новым направлением в зодчестве. Главным проводником нового направления становятся крупнейшие монастыри. Грандиозные пышные соборы, являвшиеся в XI в. центрами политической жизни столицы киевской державы, не годились уже в качестве

образцов для монастырского строительства. В монастырских условиях вырабатывается новый тип здания, более скромного по масштабам, отмеченный большей строгостью и сухостью художественного выражения. Образцом для последующего строительства становится Успенский собор Печерской лавры, выстроенный в 1073—1078 гг. Эта постройка легла в основу целой серии городских соборов XII в. в различных удельных столицах периода феодальной раздробленности. Успенские соборы в Смоленске, в Ростове, в Ст. Рязани, во Владимире на Клязьме и по имени

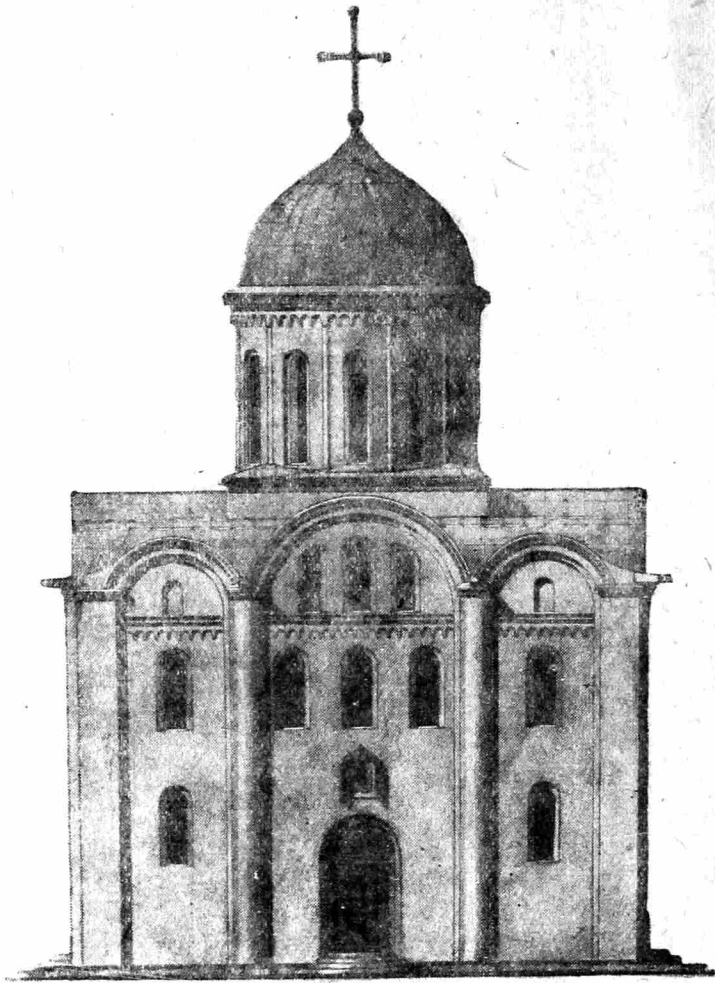

Рис. 5. Западный фасад Успенского собора в г. Владимире Волынском (реставрация).

и по своему архитектурному типу были, несомненно, данью киевской традиции, идущей от Успенского собора лавры, хотя в каждом из упомянутых центров тип этот выступает с весьма существенными модификациями. Несомненно, что именно в этой связи могут быть поняты и оба упомянутые выше памятника Владимира Волынского. По своему плановому решению они напоминают перечеисленные памятники XII в. Есть, однако, возможность определить точнее ту архитектурную школу, из которой вышли оба эти памятника. Пропорции обоих зданий, и особенно сохранившиеся фасадные обработки их, явно связаны с черниговским зодчеством. Полуколонны на пиластрах (Успенский собор и церковь над Лугом), аркатурный пояс, отделяющий закомары (Успенский собор),

и, наконец, тонкие полуколонки на апсидах имеют ближайшие аналогии в соборе Елецкого монастыря в Чернигове.

Сохранившиеся памятники Владимира Волынского не дают даже приблизительного представления о былом богатстве этого города. По рассказу летописца, в 1232 г. венгерский король Андрей II, увидав Владимир, воскликнул, что такого града он „не изобретох [не встретил] ни в нѣмѣцких странах...“¹

Еще более значительным городским центром становится уже к середине XII в. Галич. Современный маленький городок Западной Украины, расположенный на берегу Днестра, не отражает былого величия одного из замечательнейших русских городов XII в. И бывшие размеры древнего Галича и даже само его местоположение вызвали разнообразные противоречивые интерпретации летописных и археологических данных. Одним исследователям казалось, что современный город раскинулся на той же территории, на которой был центр древнего Галича, другие считали древнейшим центром Галича возвышенность у впадения р. Ломницы в Днестр, т. е. район, где, помимо существующей древней церкви Пантелеймона, были раскопаны еще несколько развалин зданий XII—XIII вв.; находились исследователи, склонные даже считать древней территорией Галича весь район между рр. Ломницей, Днестром и Лукевом, вплоть до современного селения Крылос, где также существуют остатки древних построек. На различных участках этой огромной территории действительно установлено и частью раскопано до 30 развалин древних каменных зданий, относящихся к XII—XIII вв. Было бы, однако, опрометчивым сделать вывод, что вся эта территория (более 25 кв. км) сплошь была занята древним городом. Расположение древних развалин позволяет на мой взгляд, учитывая опыт археологического изучения других древнерусских городов, подойти к решению вопроса несколько иначе. Памятники разбросаны на этой огромной территории не вполне равномерно, явно образуя два центра: один в районе современного селения Крылос (по берегу р. Лукев), другой на возвышенности, тянущейся по берегу р. Ломницы до впадения ее в Днестр. Нет никаких данных считать один из этих районов более древним по сравнению с другим. Оба они, повидимому, существовали одновременно в XII—XIII вв. Естественно встает вопрос, нельзя ли в одном из них видеть городское поселение, в собственном смысле этого слова, а в другом — княжеский центр (замок), хотя и связанный с городом, но все же представлявший самостоятельное укрепление. Историческая топография целого ряда древнерусских городов XII в., отмеченных, как и Галич, борьбой княжеской власти с местным городским боярством, дает нам примеры подобных княжеских поселений-замков (Боголюбов под Владимиром, Городище под Новгородом, Смядынь под Смоленском и пр.). Подобный „княжий двор“ вне города над р. Сан упоминается в летописном известии под 1152 г.² у города Галицкой земли Перемышля. Галицкий княжий двор в XII в. служил приютом для Андроника Комнина, сына Исаака, бежавшего от преследований Мануила. Византийский историк (Никита Хониат) и русский летописец (Ипат. лет.) подробно описывают быт галицкого дворца. Из этих источников мы знаем, как Андроник, вместе с приютившим его князем Ярославом Осмомыслом ездил на охоту на зубров, присутствовал в его совете, жил во дворце, обедал с князем и собирал для себя войско. Никита Хониат (II, 6) сообщает, что, взрывшись на родину, Андроник в построенном близ церкви 40 мучеников новом дворце велел

¹ Ипат. лет. под 1232 г.

² Ипат. лет. под 1152 г.

написать картину, изображавшую сцены из его прошлой жизни и, между прочим, эпизоды из охоты во время пребывания в Галиче. К сожалению, все эти источники лишены желательных для нас топографических определений. Только систематическое археологическое исследование территории древнего Галича и его отдельных урочищ позволит прийти в этом вопросе к каким-либо положительным выводам. Современное состояние наших знаний не позволяет пока идти дальше общих предположений.

Как ни немногочисленны раскопанные и изученные памятники Галича, они все же позволяют тем не менее понять то исключительное место, которое архитектура Галича занимает в истории зодчества древней Руси. Как и памятники Владимира Волынского, архитектурные памятники Галича тесно связаны с общим потоком развития древнерусской культуры и в частности древнерусского зодчества, представляя важное звено этого развития.

Выше отмечен новый тип культового здания, сложившийся в период феодальной раздробленности и нашедший яркое отражение в памятниках Владимира Волынского. Однако для зодчества этого периода не менее характерен другой тип здания, широко разрабатывавшийся в различных удельных центрах, но также уходящий своими корнями в киевские художественные традиции.

На ряду с сформировавшимся уже к середине XII в. типом собора удельной столицы и крупного столичного монастыря, киевское зодчество положило основу для разработки новой задачи — создания дворцовой княжеской церкви, которая становится неотъемлемой частью дворцового, замкового или вотчинного архитектурного комплекса. Древнейшими памятниками этого типа были выстроенная еще в конце XI в. церковь Михаила в Выдубицком монастыре под Киевом и особенно церковь Спаса, выстроенная кн. Владимиром Мономахом в княжеском селе Берестове.

Оба эти памятника представляют как бы переходное звено от шестистолпных городских соборов XII в. к зданию нового типа, тесно связанному с дворцовым архитектурным комплексом. Оба памятника весьма далеки от законченности; решение новой задачи еще только намечалось. Незаконченность планового решения особенно сказывается в том, что оба здания сохраняют еще ряд черт шестистолпного городского собора; башня со входом на хоры в обоих зданиях еще существует, но как бы вдавлена наполовину в тело здания.

Дальнейшая архитектурная разработка дворцового комплекса принадлежит несомненно галицкому зодчеству. Уже к середине XII в. этот тип достигает в Галиче полного развития. Из записи Ипатьевской летописи под 1152 г., повествующей об обстоятельствах смерти галицкого князя Владимира, мы узнаем интереснейшие сведения о княжеском дворце в Галиче и о придворной церкви Спаса. Повествуя о приезде в Галич посла от киевского князя Изяслава, летописец пишет: „... и яко же съеха Петр с княжа двора и Володимер (князь Галицкий. — М. К.) пойде к божици (в церковь. — М. К.) к святому Спасу на вечернюю и яко же бы на переходех до божици и ту види Петра едуща и поругася ему...“ Этот отрывок позволяет реконструировать в основных чертах облик княжеского дворца, соединенного переходом с полатыми (хорами) придворной церкви Спаса. Как можно понять из летописной записи, дворцовое здание и соединенная с ним переходом дворцовая церковь представляли единый архитектурный комплекс. В этом галицком дворцовом комплексе нельзя не видеть дальнейшего развития тех новых решений, которые были намечены еще в киевских памятниках конца XI — начала XII в. Из того же летописного рассказа узнаем о том, что во втором этаже

дворца находились „горенка“ и парадная приемная комната, названная „сенями“.

Галичский дворцовый комплекс, выстроенный до 1152 г., позже, в 1158—1165 гг., был повторен в Боголюбовском замке под Владимиром, выстроенном Андреем Боголюбским. Мы не можем с уверенностью сказать, находился ли галичский княжий двор, как и боголюбовский, вне города, представляя, как и последний, самостоятельный замок.

Одно из раскопанных в Галиче зданий XII—XIII вв. с давних пор связывается с придворной церковью Спаса, упоминаемой в летописном рассказе, однако без особых к тому оснований. Развалины эти находятся на возвышенности, тянущейся вдоль р. Ломницы, недалеко от существующей поныне древней церкви Пантелеймона. Если это здание действительно является летописной церковью Спаса и если княжий двор в Галиче, как и более поздний княжий двор в Боголюбове, находился вне города, тогда вопрос о локализации древнего города и княжеского замка вне города, поставленный выше, может быть разрешен. Но до систематических раскопок на территории Галича эта локализация является только одной из вероятных гипотез.

Развалины раскопанной церкви Спаса, как и остатки ряда других построек XII—XIII вв., свидетельствуют о том, что галичские церкви были выстроены из белого камня. Они представляли собою кубического типа четырехстолпные постройки с тремя апсидами, по плану очень схожие с аналогичными постройками Киева, Владимира, Смоленска и Новгорода. Ближайшую связь с галичскими постройками обнаруживают постройки XII—XIII вв. Владимиро-Суздальской земли. Эта связь становится еще более очевидной,

Рис. 6. Резной камень из раскопок в Галиче.

если вспомнить, что в районе раскопанных на берегу Ломницы церковей было найдено значительное количество резного камня, происходящего из каких-то построек XII—XIII вв. Это были фрагменты резных архивольтов, колонок, капители и даже маски (рис. 6). Фрагменты эти, сопоставленные с резной белокаменной декорровкой, сохранившейся *in situ* на древних частях церкви Пантелеймона, позволяют заключить, что белокаменные церкви Галича были украшены не только орнаментальной, но иногда и изобразительной резьбой. Какую роль играла изобразительная древняя декорровка в галичских постройках XII—XIII вв., сказать сейчас затруднительно в виду незначительности и несовершенства раскопок древних памятников Галича, но уже и существующие ныне материалы не дают никаких оснований считать белокаменную декорровку галичских церковей явлением более поздним по сравнению с декорровкой владимирских памятников. Особое развитие эта декорровка получает (как и во владими́ро-суздальском зодчестве) в первой половине XIII в. Памятники этого времени, к сожалению, тоже почти не сохранились и известны нам лишь по летописным описаниям. Описания эти имеют, однако, настолько исчерпывающий характер, что позволяют с достаточной полнотой реконструировать облик этих замечательных построек, ожидающих еще систематических раскопок и изучения.

В начале XIII в., на ряду с Галичем, крупным новым городским центром Галицко-Волынской земли становится Холм. Архитектурные памятники этого города вызвали восторг и удивление летописца. Кн. Даниил выстроил в этом городе в первой половине XIII в. ряд

церквей, вскоре погибших в грандиозном пожаре 1259 г., уничтожившем богатый город. Из летописного рассказа о пожаре 1259 г. мы и узнаем о наиболее замечательных постройках этого города.

Рассказывая о сгоревшей церкви Ивана, летописец так описывает этот памятник: „здание же се сице бысть: комары [своды] с каждого угла перевод и стоянье их на четырех головах человеческих изваяно от некоего хытреца... двери же ея двоя украшены камнем галичкымь белым и зеленым холмским тесаным, узоры же некимь хытречемь Авдьем прилепы от всех шаров и злата, напереди же исделан Спас, а на полужных святой Иван, якоже всем зрящим дивиться...“¹

Из приведенного летописного рассказа явствует, что холмская церковь была украшена не только резной скульптурой; в декоровке ее фасадов была широко применена полихромия. Насколько велико было восхищение современников этой постройкой, явствует уже из того, что летописец счел необходимым сообщить имя „хытреца Авдия“, выполнившего декоративную резьбу на фасадах церкви. В холмской церкви были и другие особенности, поражавшие современников своей необычностью. Как сообщает тот же летописный рассказ, „окна три украшены стеклы римскими“ (т. е. витражами), пол в алтаре церкви был „слит от меди и от олова“, причем он блестел, „яко зеркало“. В другой церкви Холма, выстроенной тем же кн. Даниилом, четыре столба были сделаны из целого тесаного камня.

Через год после пожара, в 1260 г., кн. Даниил выстроил еще одну церковь в Холме. Эта церковь Марии была „величеством и красотою не мене сущих древних [церквей]“. Для этой церкви из Угорской земли была привезена чаша „мрамора багряна, изваяна мудростью чюдною и змиевы главы беша округ ея“.² Эта водосвятная чаша была поставлена „пред дверьми церковными“.

В 1913 г. на месте древнего кремля г. Холма П. П. Покрышкиным были произведены археологические разведки. Несмотря на незначительный масштаб этих работ, они все же подтвердили летописный рассказ. В разведочных шурфах удалось найти знаменитый зеленый холмский камень, причем некоторые фрагменты его были действительно украшены орнаментальной резьбой.

Еще в научной литературе конца XIX в. остро дебатировался вопрос о том, кому принадлежал приоритет введения новых приемов скульптурной декоровки фасадов здания — владими́ро-сузда́льским или галицким мастерам, и отсюда влияло ли галицкое искусство на владими́ро-сузда́льское или наоборот.

Сторонники суздальской ориентации в этом вопросе (Н. А. Артлебен, В. В. Суслов и Н. Н. Воронин) считали, что владими́ро-сузда́льские памятники, созданные руками иноземных зодчих, присланных Фридрихом Барбароссой, и их русских учеников, послужили образцами для памятников Галича и Холма. По мнению некоторых исследователей знаменитый „хытрец Авдий“ был даже эмигрантом из Суздальской земли, некоторое время пребывавшим в плену в Золотой Орде, где его будто бы видел в 1246 г. Плано Карпини. Определить в русском мастере, которого Плано Карпини встретил в ханской ставке, обязательно Авдия нет, конечно, никаких оснований. К тому же, если бы в татарском плену действительно и находился в 1246 г. этот прославленный мастер, то совсем не обязательно, чтобы он попал в плен именно во Владимире. С наименьшей вероятностью он мог попасть в плен и у себя на родине в Галицко-Волынской земле.

¹ Ипат. лет. под 1259 г.

² Ипат. лет. под 1260 г.

Кажущейся опорой для точки зрения, защищающей влияние владими́ро-суздальского искусства на галицкое, является более поздняя датировка холмских памятников, в которых наиболее широко использована скульптурная декорировка. Однако выше отмечалось, что фрагменты скульптурной декорировки известны из раскопок галичских построек, дата которых стнюдь не моложе даты первых владими́ро-суздальских построек, имеющих декоративную каменную резьбу. Окончательно сформировавшийся дворцовый архитектурный комплекс, развившийся на базе киевских художественных традиций конца XI — начала XII в., мы встречаем в Галиче раньше, чем в Боголюбове.

Но основным аргументом в пользу галицкого, а не владими́ро-суздальского приоритета в применении скульптурной декорировки зданий является общий характер культуры Галицко-Волынской земли, находившейся по понятным причинам в гораздо более тесных взаимоотношениях с западными романскими странами.

Проникновение „римских стекол“ (витражей), католической водосвятной чаши, вывезенной из Угорской земли, романских порталов, капителей и других особенностей декорировки фасадов галичских и холмских церквей в Галицкую землю, издавна жившую в западном окружении, едва ли нуждается в каком-либо „суздальском опосредствовании“. Не закономернее ли представить себе культурное движение в обратном направлении? Вместо поисков сомнительных „мастеров Фридриха Барбароссы“, якобы присланных им Андрею Боголюбскому, не естественнее ли видеть в мастерах „изо всех земель“, работавших у владими́рского князя, художников, пришедших с западной окраины древней Руси, уже давно успевшей впитать в себя не только высокие традиции культуры Киевской Руси, но и обогатить их, в некоторой мере, общением со своими западными соседями.¹

М. К. Каргер

¹ Вопрос о взаимоотношении владими́ро-суздальского и галицко-волынского искусства продолжает до сих пор оставаться дискуссионным, что показывает печатаемая в настоящем выпуске статья Н. Н. Воронина (см. стр. 22).

II. СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ И ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XII—XIII ВВ.

История галицко-волынского зодчества XII—XIII вв. представляет собой одну из замечательно ярких и сложных страниц в истории искусства древней Руси. Сложность этой темы состоит прежде всего в том, что мы располагаем крайне ничтожным количеством, при этом плохо сохранившихся, памятников и двумя, правда колоритными, летописными характеристиками исчезнувших зданий Галича и Холма. Поэтому археологическое изучение монументальных памятников XII—XIII вв. в основных центрах — Галиче и Владимире Волынском — является одной из неотложных задач советской археологии.

Особенный интерес этих памятников состоит в том, что они с большой убедительностью говорят о теснейших культурных связях галицко-волынской окраины русской земли с ее киевским, а затем владимирским центром, а также о прочности ее зарубежных культурных связей со странами Запада.

В этой заметке мы остановимся только на одной теме — на взаимоотношениях галицко-волынской и владимиросуздальской архитектуры XII—XIII вв., создавших в процессе своего развития поразительно близкие памятники.

Этот вопрос был поставлен еще в конце XIX в.¹ Тогда речь шла о весьма своеобразном решении культового здания, сочетавшем крестово-купольную византийскую схему небольшого четырехстолпного храма с романской декорацией фасадов, включавшей обильное применение резного камня. Судя по летописным сведениям о постройках Холма (XIII в.) с их фасадной резьбой² и по открытым раскопками древним памятникам Галича, это сходство между архитектурой юго-запада и северо-востока древней Руси было исключительно велико.

Возможность допущения параллельного развития одинаковых художественных форм буржуазной наукой исключалась начисто. Один из исследователей этого вопроса, Д. Н. Березков, анализируя сходство плановых решений, так и писал: „Если мы допустим самостоятельность в выработке этих планов в двух удаленных одна от другой местностях

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. VI, стр. 10, 37, 38. — Д. Н. Березков. О храмах Владимиро-Суздальского княжества. Тр. Владим. учен. архивн. ком., т. V.

² Ипат. лет. под 1259 и 1260 гг. Отметим здесь же, что рассказ летописи под 1259 г. о пожаре г. Холма, на который мы ссылаемся ниже, требует специального критического рассмотрения. Он носит несомненные следы вставок или компиляции из двух самостоятельных рассказов. Так, например, описание „вежи“, стоящей среди города, прерывает рассказ о пожаре церкви Ивана на фразе о колоколах, так как далее находится обрывок окончания этого рассказа „и мед от огня яко смола ползущь“, где речь явно идет не о „мёде“, а о расплавившейся колокольной „меди“. Так же врывается описание „стола“, стоящего вне города, в рассказ о постройке церкви Козьмы и Демьяна. О том же говорит ряд более мелких текстовых неполадок. Ср. разночтения у Камзина (ИГР, IV, прим. 20 и 102).

древней Руси — в Галиче и Суздале, то мы тем самым вынуждены будем признать факт удивительного параллелизма в строительном искусстве: две страны, независимо одна от другой, вырабатывают такие сходные планы церквей, каких нет нигде в других странах“. Отсюда вытекало обычное решение вопроса путем указания влияний одной „страны“ на другую: Н. П. Кондаков допускал мысль, что во Владимир могли притти галицкие резчики, Д. Н. Бережков считал, что самые зодчие владимирских храмов XII в. были галицкими зодчими.¹ При этом для Бережкова была характерной привычная мысль, что более культурный Запад влиял на пограничный Галич („заимствование Галичем культуры с Запада“!), а более культурный Галич влиял на „вполне дикую“ Залесскую землю² („глухая лесистая область, какой был, несомненно, Владимиро-Суздальский край в XI—XII вв.“).

Рассматриваемый вопрос приобрел особую остроту после археологических раскопок в Боголюбове (1934—1939 гг.),³ которые выявили еще большее количество совпадений не только общих архитектурных решений, но и ряда мелких подробностей в зодчестве русского северо-востока и юго-запада. Перечислим их: 1) общее сходство композиции дворцового ансамбля в Боголюбове (1158—1165 гг.) и дворца в Галиче (до 1152 г.)⁴ (дворец — переходы-сени — дворцовый собор); 2) ряд общих архитектурных приемов: медные и майоликовые полы (Боголюбровский собор, ц. Ивана Златоуста в Холме,⁵ развалины в урочище Старая кафедра и Мстиславов храм во Владимире Вольинском,⁶ ц. Спаса в Галиче);⁷ полихромия фасадов (Боголюбровский и Успенский владимирский соборы 1158 г., ц. Ивана Златоуста в Холме XIII в.); введение в качестве опор круглых колонн (Боголюбровский собор 1158 г., ц. Козьмы и Демьяна в Холме XIII в.);⁸ 3) постановка водосвятной чаши перед западным фасадом храма (Боголюбровский киворий, ок. 1165 г., ц. Марии в Холме 1260 г.).⁹ Эта совокупность общих черт, казалось бы, дает новые основания для подкрепления теории Бережкова.

Обратимся к рассмотрению этих общих черт, начав с вопроса о происхождении типа дворцового собора. Действительно ли только в Галиче и Владимире он сходен? Нет, разработка этого типа получила свое начало в Киеве в конце XI в. (Спас на Берестове и собор Выдубицкого монастыря),¹⁰ а затем была продолжена одновременно в ряде областных архитектур периода феодальной раздробленности: смоленской, новгородской, владимирской, галицко-волинской и т. д. Это была одна из общих для всей архитектуры древней Руси этого времени задач, выдвинутых нуждами нового исторического периода, когда феодальное владение оформлялось не только экономически и политически, но создавался и архитектурный комплекс построек феодального, княжеского или боярского двора и разрабатывались наиболее рациональные типы его слагаемых. Общая схема четырехстолпного небольшого храма с хорами была наиболее удачной, она с изве-

¹ Д. Н. Бережков, ук. соч., стр. 129.

² Там же, стр. 2, 125.

³ Н. Н. Воронин. О дворце Андрея в Боголюбове. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. II, стр. 29.

⁴ Ипат. лет. под 1152 г.

⁵ Ипат. лет. под 1259 г.

⁶ Е. Н. Дверницкий. Памятники древнего православия в г. Владимире Вольинском. Киев, 1889 (прилож., стр. 47).

⁷ I. Szaraniewicz. Trzy opisy histor. star. grodu Halicza. Lwow, 1883, табл. II, 15.

⁸ Ипат. лет. под 1259 г.

⁹ Ипат. лет. под 1260 г.

¹⁰ Анализ этого вопроса да мной в работе о владимиро-суздальском зодчестве (1936).

стными вариантами повторялась с XII в. повсюду. Ряд романских декоративных элементов, проникая в художественную практику русских зодчих, находил применение в различных областных архитектурах в Чернигове,¹ Смоленске,² Галиче, Владимире.

Таким образом, нет надобности искать родину комбинации византийского плана и романской декорации храма только в пограничном с романским западом Галиче. Галич был наделен романскими чертами больше, так как непосредственно соприкасался с Западом и в особенности испытал (судя по памятникам XIII в.) воздействие искусства Венгрии и Польши.

В таком направлении, нам кажется, должен решаться первый вопрос о связи и сходстве галицкого и владимирского решений придворного храма.

Церковь Спаса в Галиче и связанный с ней княжеский двор были уже отстроены в 1152 г., под которым в Ипатьевской летописи мы находим описание смерти кн. Владимира Галицкого и ряд черт, характеризующих ансамбль двора. Могли ли галичские мастера, окончив постройку галицкого дворца, притти на север, где как раз в 1152 г. идет постройка ряда храмов кн. Юрием Долгоруким? Да, могли. План церкви Спаса в Галиче имеет много общих черт с планом собора в Переяславле-Залесском.³ Но если во время Юрия Долгорукого и имела место посылка работавших в Галиче зодчих на север, то их деятельность и закончилась строительством Юрия (1152).⁴ Политические отношения северо-востока с Галичем по смерти Юрия становятся обостренными.

Андреевское строительство во Владимире и Боголюбове (1158—1165) опиралось уже на новых пришлых мастеров с Запада (Саксония и Средняя Германия) и своих владимирских строителей, начинающих самостоятельную работу уже в 1164 г. (Золотые ворота во Владимире) и посылавшихся затем кн. Андреем для построек в Киеве (70-е годы).⁵ Именно в это время отстраивается боголюбровский дворец. На близость его галичскому княжескому дворцу указывалось уже давно.⁶ В чем она состоит? Рассказ Ипатьевской летописи (1152) позволяет установить, что постройки галицкого дворца были связаны между собой: на одном крыле помещалась придворная церковь Спаса, соединенная на уровне хор переходом с „сенями“, где стоял княжеский трон, за „сенями“ была жилая половина с „горенками“; в „сени“, расположенные во втором этаже, вела снизу лестница. Схема боголюбовского дворца значительно сложнее: дворец, переход, лестничная башня („сени“), собор, новое звено переходов, замковая крепостная башня.⁷ Является ли описанная структура дворцового комплекса впервые появившейся в Галиче, прототипом боголюбовского дворца и зависит ли непосредственно последний от первого? Многочисленные свидетельства письменных источников по-

¹ Аркатурный фриз Елецкого монастыря, Черниговская капитель, декоративная резьба. См.: М. Макаренко. Скульптура и різьбарство Київської Русі перед монгольських часів. Київські збірники історії й археології, вып. I, Киев, 1931, стр. 49 сл. и 85—88.

² Аркатурный фриз церкви Петра и Павла, портал развалин на Воскресенском взгорке. Не случайно, что после Бережкова возникла еще одна теория, искавшая истоков владимиро-суздальской архитектуры не в Галиче, но в Смоленске. Н. И. Брунов. Беларуская архітектура XI—XII ст. Зборнік артыкулаў, Менск, 1926, стр. 276—277.

³ I. Szaganięwicz, ук. соч., табл. I, 13 (особенно церковь Богородицы, табл. I, 2).

⁴ Есть возможность думать, что мастера были получены Юрием непосредственно с Запада или через новгородского архиепископа Нифонта или через Константинополь.

⁵ Эта тема специально разработана в моем исследовании о владимиро-суздальском зодчестве.

⁶ Ф. Рихтер. Памятники древнерусского зодчества (текст к табл. XXXV).

⁷ См. резюме моего доклада в „Кратких сообщениях“ (вып. II, стр. 29).

зволюют утверждать, что в строительстве хором дружинной, а затем и феодальной знати Киевской Руси уже с конца X в. складывается довольно устойчивая схема жилого дома. Она состоит из трех слагаемых: изба („истобка“) — теплая жилая половина, „сени“, представляющие соединение избы с „клетью“, и наконец самая „клеть“ (летняя спальня, кладовая, приемная чистая половина); все три части подняты над уровнем земли: изба и „клеть“ — на подклетных срубах, „сени“ поддерживались столбами, образуя своего рода висячий переход между боковыми частями. „Сени“ княжеских хором XI—XII вв. были поместительны, в них пировали и совещались по политическим делам.¹

Нет сомнения, что та же привычная схема жилого дома лежит в основе композиции галицкого княжого дворца. Сени здесь сохраняют еще значение поместительной приемной части комплекса. Но место клетки занял придворный храм, его хоры более отвечают нуждам торжественных приемов, чем повалуша-клеть, хотя бы и расписанная внутри.² Церковь становится необходимым инструментом феодального господства; придворный храм органически связывается с дворцовым комплексом. Галицкий дворец был, видимо, каменным, хотя прямых данных об этом нет.

Боголюбовский дворцовый комплекс — весь каменный. Та же трехчленная схема русского жилого дома лежит в основе его сложной композиции. Постепенность возникновения ее отдельных звеньев свидетельствует, что, несмотря на наличие общего замысла и плана, строители не имели в виду никакого вполне законченного образца. Задача большой трудности — создать пышный дворец северного „самовластца“, положив в его основу простое членение деревянных хором знати, — решалась зодчими в процессе строительства. Особые трудности были и в самом усложнении этой схемы. Собор и лестничная парадная башня стали центральным звеном ансамбля; „сени“, как поместительная часть постройки, исчезли, их имя перешло на лестничную башню, часть функций „сеней“ перешла к хорам собора. Боголюбовский дворец ушел несравненно дальше от схемы жилого дома, нежели дворец галицких князей. Но общая основа, лежащая в русской жилой архитектуре того времени, связывает оба памятника теснейшим образом. Так, с моей точки зрения, должен решаться второй вопрос о причинах сходства дворцовых ансамблей Галича и Боголюбова.

Прочная связь зодчества Галича и Владимира с формами, выработанными киевской культовой и жилой архитектурой, обеспечивает органическое освоение значительных романских элементов, которые при этих условиях отнюдь не снижают, но усиливают своеобразие этих „школ“ древнерусского зодчества.

Выработка одинаковых планово-конструктивных решений княжеского храма, широкое распространение полученных типов не только в княжеском, но и в городском строительстве, близость композиции дворцовых ансамблей являются также несомненным результатом большего или меньшего сходства общественных условий в различных княжествах древней Руси, породивших более или менее сходные задачи, вставшие перед строителями.

В этом отношении Галицкое княжество было очень близко Владимирскому, и там и здесь мы найдем острую борьбу княжеской власти против тенденций феодального распада земли, носителем которых

¹ Изложенные взгляды на характер деревянных хором XI—XII вв. мотивированы мною в специальной работе „Жилище X—XIII вв.“ для I тома „Истории культуры древней Руси“.

² Слово о богатом и убогом, XII в. — Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка (см. слово „повалуша“).

является крупная боярская знать и против которых выступают горожане, поддерживающие князя. При этом роль княжеской власти приобретает особое значение; все идеологические средства направляются на поддержку ее авторитета, архитектура принимает демонстративно пышный характер. Не случайно, что почти одновременно в Галиче и Боголюбове возникают исключительно близкие по широкому замыслу ансамбли княжого двора и получает особо четкие формы тип придворного храма.

Переходим к третьему и последнему вопросу о взаимоотношении зодчества рассматриваемых областей в последующее время. Мы отметили ряд поразительных совпадений владимирского и галицкого зодчества в отношении отдельных подробностей построек — медные полы, круглые колонны, постройка водосвятной чаши перед западным фасадом храма и пр. Эти почти „буквальные“ совпадения можно объяснить лишь прямой преемственностью одной архитектуры от другой. Обратимся к этой теме.

В течение последней четверти XII в. и в начале XIII в. Владимирское княжество в зените своего могущества и славы. Оно перенимает роль Киевской Руси и стоит во главе исторической жизни вплоть до нашествия татар. Всеволод III усмиряет бунтовавшую при Андрее знать, его общерусское значение и силу закрепляют в сознании современников чеканные образы „Слова о полку Игореве“. Архитектура в руках местных зодчих приобретает новый художественный язык, становясь еще более своеобразной. При сыновьях Всеволода тенденции феодального распада берут верх и могущество земли ослабевает. Владимир — соперник Киева — в огне и крови склоняется под пятой монгольского ига. Последний памятник высокого искусства владимирских зодчих, покрытый резьбой от цоколя до сводов собор в Юрьеве-Польском, заканчивается за три года до татарского разгрома северо-восточной Руси.

Галич в течение второй половины XII в., судя по данным источников, не ведет крупных построек; лишь во Владимире Волинском кн. Мстислав строит собор богородицы, стоящий в прямой связи с современным зодчеством Чернигова. Яростная борьба общественных сил внутри княжества делает его ареной международной борьбы, в которой принимают участие Венгрия, Польша, владимирский князь Всеволод и германский император Фридрих Барбаросса. Лишь на рубеже XIII в. построена дошедшая до нас церковь Пантелеймона в Галиче, напоминающая по сдержанности и строгости декораций владимирские постройки времени Андрея Боголюбского, но совершенно отличная по ряду деталей.

Сведения о постройках Холма падают уже на послемонгольское время; они занесены в летопись под 1259—1260 гг.;¹ именно в этих памятниках мы находим перечисленные выше черты сходства с боголюбовскими постройками, а пышность полихромной резьбы церкви Иоанна Златоуста может напоминать Георгиевский собор Юрьева-Польского.

Возникает вполне закономерный вопрос, диаметрально противоположный гипотезе Бережкова: не работали ли в Галиче времени Даниила в числе других и владимирские зодчие, уцелевшие от татарского разгрома, не был ли „хытрец Авдий“, резчик рельефов холмской церкви Ивана Златоуста, выходцем с владимирского северо-востока? Весьма характерно восхищение летописца красотой и своеобразием этих построек; он занес на страницы летописи войн и мятежей даже имя этого „хытреца“.

Галицкая земля пыталась оказать сопротивление татаро-монгольским полчищам, мощные укрепления ее городов упорно противостояли их осадной технике. Последующая осторожная политика князя Даниила

¹ Постройка холмских храмов может быть отнесена ко времени не ранее 40-х годов XIII в.

и Василька создают для Галицко-Волынской земли более легкое положение в системе татарского подчинения; на ряду с Новгородом она является тем краем, где продолжается культурное развитие, куда, под могучую руку Даниила, естественно должны были тянуться культурные силы древней Руси. На зов Даниила в новый город Холм стекались новые поселенцы „приходяе Немце и Русь иноязычники и ляхи идяку день во день и уоты и мастере всяции бежаху ис Татар седелницы и тулници и кузнице железу и меди и сребру и бе жизнь и наполниша дворы окрест града поле и села“.¹ В Холме закипела ремесленная деятельность мастеров разных „земель“. Именно после этой характеристики и описывает летописец поразившие его красоты церкви Ивана Златоуста, построенной в Холме при участии „хытрца Авдия“. Едва ли можно сомневаться, что и этот мастер откуда-то пришел в Холм, может быть также из татарского плена. Там жил встреченный в 1245 г. Плано Карпини в ханской ставке неизвестный русский мастер, сделавший для хана печать и трон из слоновой кости, украшенный золотом, драгоценными камнями и различными изображениями.²

Все характерные черты холмских храмов 40—50-х годов XIII в., отмеченные летописцем, находят аналогию в памятниках XII—XIII вв. Владимирского княжества, а в особенности в зданиях боголюбовского замка 1158—1165 гг.; это дает нам право предполагать, что в числе строивших их мастеров могли быть выходцы из Владимира, носители художественной традиции строительства Андрея и Всеволода. Иначе трудно представить себе столь близкое совпадение художественных черт памятников, отделенных друг от друга длительным промежутком времени.

Так с моей точки зрения может решаться третий вопрос о взаимоотношении галицко-волынской архитектуры XIII в. и владими́ро-суздальской XII—XIII вв. Его окончательное решение принесет только широкое археологическое изучение галицко-волыньских памятников.

Стоя на этой точке зрения, я считаю, что галицко-волыньское зодчество на протяжении всего своего развития в первую очередь теснейшим образом связано с историей зодчества древней Руси XII—XIII вв. Развиваясь на рубеже русской земли и воспринимая многие черты романского искусства, оно неуклонно следует по общему для всего русского зодчества пути, а после монгольского завоевания впитывает уцелевшие русские строительные кадры, которые, вместе с местными строителями, создают в Холме ряд первоклассных произведений, продолжающих лучшие традиции русского искусства.

Н. Н. Воронин

¹ Ипат лет. под 1259 г.

² Гипотеза о суздальском происхождении холмских зодчих была предложена первым и едва ли не лучшим и наиболее глубоким в старой литературе исследователем владими́ро-суздальского зодчества XII—XIII вв. — епархиальным архитектором Н. А. Артлебенем. См.: Древности Суздальско-Владимирской области, сохранившиеся в памятниках зодчества в пределах Владимирской губ. Владимир, 1880, стр. 22.

III. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

УРАРТУ И ЗАКАВКАЗЬЕ

(Сокращенный текст доклада, прочитанного на сессии Отделения истории и философии АН СССР 26 мая 1939 г.)

Древнейшие сведения о походах урартов в Закавказье относятся к концу IX в. до н. э. Эти походы преследовали исключительно грабительские цели: основной добычей был скот. Надписи свидетельствуют, что во время одного только похода из Закавказья было угнано 13 540 голов крупного и 20 785 мелкого рогатого скота. Указания на захват пленных в древнейших урартских надписях отсутствуют. Вполне вероятно, что при этих походах пленные и не брались вовсе.

В самом конце IX в. и в первой четверти VIII в. до н. э. походы урартов в Закавказье становятся обычным явлением. Для закрепления продвижения на север урартский царь Менуа выстроил на правом берегу Аракса, у современного селения Ташбурун крепость, ставшую урартским административным центром на севере.

Крепость была построена на месте покоренного города Лухиуни, города местного правителя Иркуа (Ирекуа, Ерикуа). Важное стратегическое значение этого пункта подчеркивается неоднократным упоминанием его урартскими эпиграфическими памятниками.

Район Ташбуруна имел для урартов большое стратегическое значение и сооруженные в этом районе укрепления служили базой для дальнейшего движения урартов на север, за р. Аракс, в Закавказье, которое в это время еще не было включено в состав Ванского царства.

Южные районы Закавказья были присоединены к Урарту только во второй четверти VIII в. до н. э. Надо заметить, что не только обилие скота в этих районах привлекало урартов. Долина среднего Аракса, расположенная на 900—700 м. выше уровня моря и отличающаяся мягким климатом, очень благоприятна для земледелия, и Айратская низменность, на ряду с побережьями озер Вана и Урмии, является одним из наиболее плодородных районов северной части Передней Азии, в которых уже давно развилось ирригационное земледелие.

При преемнике Менуа, урартском царе Аргишти, время правления которого занимает вторую четверть VIII в. до н. э., продвижение урартов на север усилилось, и административный центр был перенесен из Ташбуруна за р. Аракс, в Закавказье. Местоположение этой крепости нам хорошо известно. Она находилась на холме, у современного селения Армавир, названного по имени древнейшей столицы Армении.

В настоящее время известно 15 урартских клинообразных надписей, происходящих из окрестностей Армавирского холма, причем древнейшие из них относятся ко времени правления Аргишти, сына Менуа, а самая поздняя, рассказывающая о постройке крепости последним урартским царем Русой, сыном Эримины, относится к началу VI в. до н. э.

М. В. Никольский, опубликовавший большое количество этих клинописных памятников, отмечаящих интенсивную строительную деятельность урартов в южном Закавказье, считал, что район Армавира был древнейшим урартским центром, на что, по его мнению, указывают надписи, рассказывающие о восстановлении пришедших в ветхость построек.

Это предположение М. В. Никольского было основано на неправильном переводе часто встречающейся в урартских надписях фразы: „*ini aše badusie šidištubi*“.

Эту фразу, имеющуюся и в армавирских надписях, М. В. Никольский, следуя общепринятому в урартоведении пониманию, переводил так: „дворец разрушенный я восстановил, обстроил“. Такое понимание текста теперь не может считаться правильным, так как слово „*badusie*“ совсем не означает „разрушенный“, а, повидимому, отмечает качество постройки, как напр., „мощный“, „крепкий“, имея в своей основе корень „*bad*“. Вместе с тем и глагол „*šidi — ištu — bi*“ следует переводить не „я восстановил“, а „я выстроил“.

При учете того, что ассирийскую идеограмму „дворец“ в большинстве урартских надписей следует понимать как „крепость“ („замок“), вся вышеприведенная фраза получит следующий перевод, совершенно противоположный старому, а именно: „крепость мощную я построил“. При современном состоянии наших знаний урартского языка можно спорить относительно уточнения в переводе слова „*badusie*“, но совершенно бесспорным является ошибочность прежнего понимания этого текста, как сообщения о производстве реставрационных работ.

Из района Армавирского холма известен большой археологический материал, относящийся к различному времени, с хорошо выделяющимися комплексами конца II и начала I тысячелетия до н. э. Эти древнейшие памятники, совершенно тождественные найденным в других районах Армении, не дают также никакого права говорить о наличии здесь в середине IX в. до н. э. урартского центра. Можно с полной уверенностью утверждать, что только в VIII в. до н. э. южные районы Закавказья были присоединены к Урарту.

Значение Аргиштихинили для истории южного Закавказья второй четверти VIII в. до н. э. очень велико. Этот урартский центр являлся базой для походов в различные районы Закавказья с целью включения их в состав Ванского царства. Отсюда снаряжались походы на восток, к озеру Севан, а также на север, за гору Арагац.

В первой четверти VIII в. до н. э. Урарту заняло главенствующее положение на севере Передней Азии. Одной из важнейших забот Урартского государства в это время было подчинение областей южного Закавказья, и неслучайным является тот факт, что из 18 известных в настоящее время надписей Аргишти, сына Менуа, 12 обнаружены на территории Армянской ССР.

Летопись Сардура, открытая в нише Ванской скалы, содержит много материала, касающегося закавказских районов. В ней неоднократно встречаются указания на походы (середины VIII в. до н. э.) в страну Эрах, т. е. к северу от горы Арагац, сопровождавшиеся жестокой расправой с побежденными. Походы эти совершались весной или, чаще, осенью, т. е. в то время, когда скот возвращался с горных пастбищ. Только за два похода в страну Эрах оттуда было угнано 2025 лошадей, 115 верблюдов, 23194 головы крупного и 53420 мелкого рогатого скота.

Для того чтобы правильно понять характер взаимоотношений Урарту с южным Закавказьем, следует остановиться на вопросе взаимоотношения центральных частей древних государств Передней Азии с их

окраинами. Все древневосточные государства отличаются крайней неустойчивостью границ, так как государственная власть в окраинных областях, покоренных силой оружия, никогда не была прочной.

О такой непрочности власти урартов на периферии государства свидетельствуют исторические надписи, отмечающие неоднократные походы в один и тот же район, где постоянно вспыхивали восстания отдельных племен.

Следует также отметить, что государства Передней Азии никогда не представляли этнического и культурного единства. Отсутствие единства, чрезвычайная пестрота, постоянные передвижения отдельных племен, теснимых неприятелем или же в свою очередь теснящих своих соседей, и широкие сношения отдельных районов привели к целому ряду явлений в области материальной культуры, искусства и религии, которые мы можем считать общими для всей Передней Азии.

Во взаимоотношениях Урарту и областей южного Закавказья наблюдаются два последовательных этапа. Первый характеризуется ограблением и опустошением захваченных районов, второй же — планомерной их эксплуатацией. Там, где власть урартов была особенно непрочной, они старались разбить племенные союзы, разрушить поселения, опустошить страну и захватить богатую добычу. При этом местное население, не успевшее уйти в горы, просто уничтожалось. Позднее, соответственно ассирийской практике, жители из захваченных областей переселялись в другие районы, а их место занимали новые поселенцы, пригнанные иногда из очень отдаленных мест. Это мероприятие, весьма содействовавшее этнической пестроте населения Передней Азии, являлось надежным средством в борьбе с племенными союзами.

Предположение о том, что все плененные урартами местные жители превращались в рабов — неверно; в большинстве случаев пленных переселяли на новое место, где их сажали на землю. Текст Саргона, описывающий поход восьмого года правления, и, в частности, разгром Мусасира, отмечает: „людей области Мусасира к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев“.

Для укрепления власти на окраинах государства, урарты создавали там свои административные центры, которые являлись не только крепостями оборонительного или наступательного значения. Они преследовали цель закрепления власти не одним насильственно военным, но и экономическим путем, обеспечивая вместе с тем и планомерную эксплуатацию района. Работы по улучшению материального благосостояния страны, преследовавшие эту же цель, проводились урартами и в южных районах Закавказья.

В районе Аргиштихинили, кроме сооружения урартских крепостей и храмов и разведения садов и виноградников, была проведена большая работа по улучшению ирригационной сети, имевшей исключительное значение для всей Айратской долины. Сохранились клинообразные надписи, рассказывающие о проводке каналов, а около одной из таких надписей, высеченной на скале, даже сохранились следы древнего канала (Каракала).

В урартских центрах на окраинах скоплялась также добыча, частью захваченная силой в окрестных областях, а частью поступавшая в виде дани. Если мы просмотрим перечни добычи урартов в покоренных ими областях южного Закавказья, то увидим, что она состоит исключительно из скота и людей. В урартских текстах нет ни одного упоминания о вывозе из Закавказья металла. И по путям движения урартов видно, что их привлекали не центры закавказской металлургии, а скотоводческие районы. Вероятно, Ванское царство было обеспечено металлом,

добывавшимся на своей территории и поступавшим в виде добычи из западных районов Передней Азии.

Между тем Закавказье того времени имело собственную развитую металлургию с использованием местных руд. При археологических работах в Закавказье, особенно при раскопках могильников, найдено громадное количество бронзовых изделий, главным образом предметов вооружения (рис. 7). Часто встречаются ошибочные утверждения, считающие эти металлические предметы урартскими. На местное их производство указывают литейные формы, найденные в Закавказье (рис. 8), а кроме того одинаковая, в общих чертах, металлургия, совершенно отличная от урартской, встречается во всем Закавказье, незначительная часть которого входила в состав Урарту. Материалы из раскопок на терри-

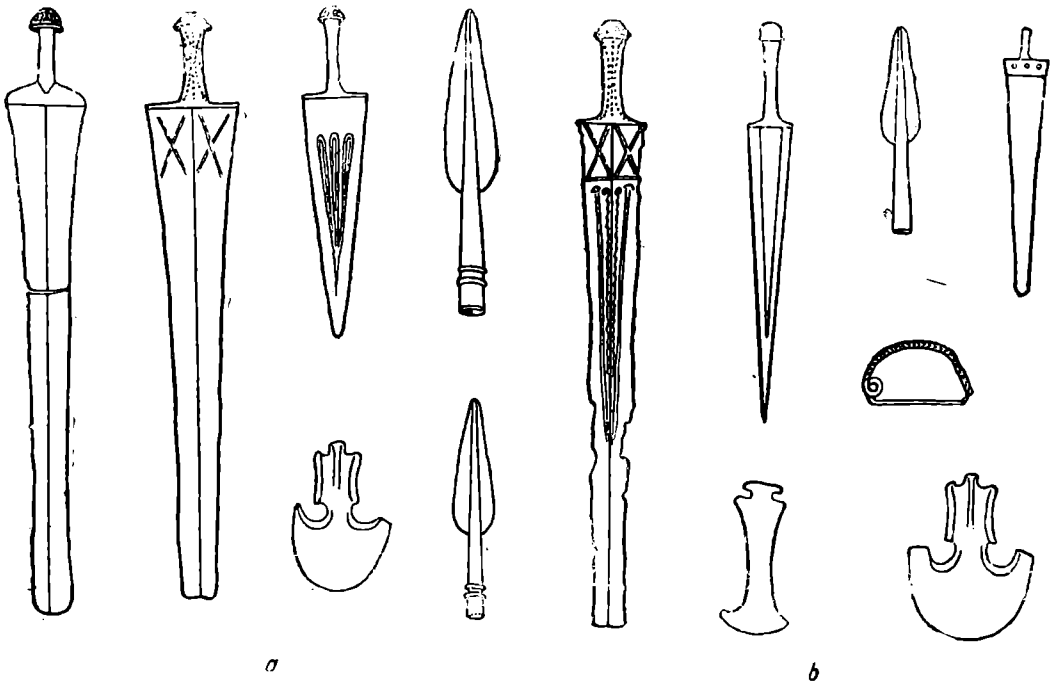

Рис. 7. Предметы из закавказских могильников.

a — из могильников на территории Грузинской ССР;
b — из могильников на территории Армянской ССР.

тории Армянской ССР, территории, входившей в древности в Ванское царство, имеют мало сходных черт с урартскими и, наоборот, они очень близки к материалам из других районов, не подчиненных урартам.

Материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, дают нам право с уверенностью говорить о том, что в состав Урарту входила лишь небольшая территория Закавказья, а именно: Айратская низменность и районы горы Арагац и озера Севан. Продвижения урартов в другие части Закавказья предположительны. И если вполне вероятным представляется продвижение в западные области Азербайджана, непосредственно связанные с Севанским районом, то проникновение урартов в долину р. Куры кажется сомнительным, так как в этом случае урартам пришлось бы преодолевать лесистый Памбакский хребет. Однако возможно, что и туда снаряжались отдельные походы, но без включения этих земель в состав Ванского царства.

В завоеванных урартами областях, где оставалось коренное население, ставился наместник, имевший в своем распоряжении небольшой гарнизон. В урартских клинописных текстах наместник обозначался

ассирийским термином „bēl rahāti“. На его обязанности, вероятно, лежало наблюдение за порядком и принятие мер для своевременной уплаты дани. О назначении такого наместника, сменившего местного правителя, рассказывает Норбаяздская надпись.

Урарты играли большую роль в усилении процесса классового образования в первобытном Закавказье. Опираясь на местных правителей, они содействовали оформлению господствующего класса Закавказья, в руках которого, вероятно, сосредоточивалось большое количество скота, являвшегося основным богатством этих областей. Взаимоотношение Ванского царства с Закавказьем, которое привело к установлению связи с Востоком, также имело исключительное значение для развития культуры Кавказа. Через Кавказ это культурное влияние перешло и в Предкавказье, что отразилось, хотя бы, на архаическом скифском искусстве.

Остановимся вкратце на характеристике урартских памятников, встреченных в Закавказье.

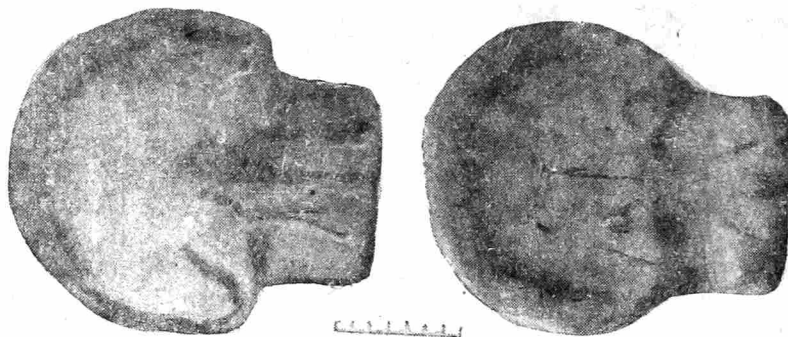

Рис. 8. Формы для отливки бронзовых орудий, найденные на территории Армянской ССР.

К настоящему времени с территории Армянской ССР известно 24 клинообразных надписи, не считая двух незначительных обломков. Наибольшее их число относится ко времени расцвета Ванского царства. Так, надписей первой четверти VIII в. до н. э. с именем Аргишти, сына Менуа обнаружено 11, с именем Сардура, сына Аргишти — 8 и Русы, сына Сардура — 2. Надписей, относящихся ко времени после поражения, нанесенного Урарту Саргоном (VII в. до н. э.), встречено только 3: 2 Русы, сына Аргишти, 1 Русы, сына Эримены, относящаяся, возможно, уже к самому началу VI в. до н. э. Все клинообразные надписи вырезаны на камнях из построек или же на скалах, причем последние всегда находятся вблизи крепостных сооружений (Ганлиджа, Элар, Ордаклю, Загалу, Келагран). Из крепостей несомненно урартской постройки следует отметить остатки стен на Армавирском холме, две крепости у г. Еревана (Аринберд и Кармирблур) и две крепости в Севанском районе (Нор-баязд и Келагран).

Среди археологического материала Закавказья и горного Кавказа имеются отдельные предметы „древневосточного“ происхождения, как напр., агатовая пронизка с именем ассирийского царя Ададнирари, найденная при раскопках кургана в Ходжалах (Азербайджан) и гематитовая печать северосирийского типа из горного района Кавказа.

В 1859 г. курдами в одной из древних могил на персидской территории, неподалеку от русской границы, был найден ряд бронзовых предметов, частью урартского происхождения. Среди них находились две фигурки, украшавшие края бронзовых котлов, одна в виде крылатой женской фигурки, другая в виде головки быка.

С территории Армянской ССР также известна группа предметов, определенно происходящих из центральной части Урарту. Так, в Музее Грузии среди материала из раскопок в Малакю, около Игдыра, я обнаружил три урартские печати. Подобные урартские печати оказались в коллекциях Эрмитажа и Музея Армении. Две из них происходят из Армавира (материалы Н. Я. Марра), две из Келагранской крепости, одна из Норбазедского района и одна из раскопок холма Муханнат-тапа в Ереване (рис. 9).

В работах, посвященных судьбе урартов после падения Ванского царства, была допущена неправильная предпосылка, определившая весь ход догадок и предположений. Дело в том, что в истории древнего Востока совершенно некритически принято мнение Леманн-Гаупта, считав-

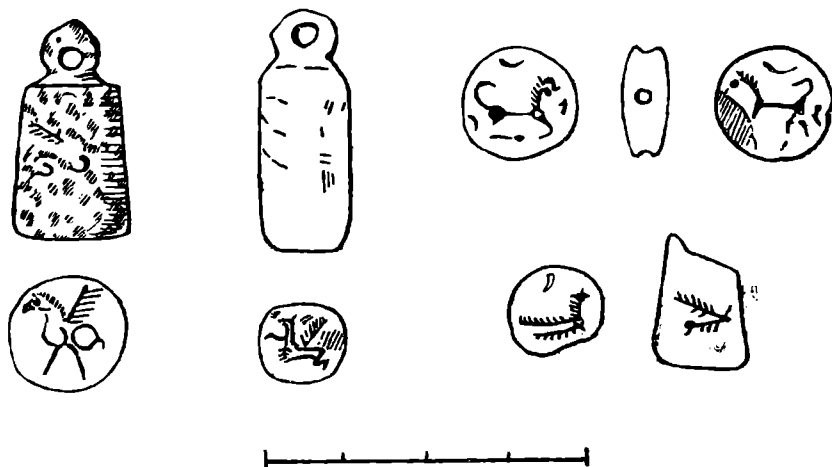

Рис. 9. Урартские каменные печати, найденные на территории Армянской ССР.

шего, что урарты называли себя халдами, а свою страну Халдией. Это предположение, на основании которого он делал ответственные выводы, вошло в науку настолько твердо, что зачастую кажется аксиомой. Но неизвестно ни одного достоверного факта, указывавшего бы на то, что урарты называли себя халдами. Предположение Леманн-Гаупта зародилось довольно давно, когда при переводах урартских надписей ученые шли ощупью, без достаточных знаний конструкции урартского языка. Дело в том, что в клинописи имя бога Халда встречается иногда в форме „Халдини“, отягченной грамматическими суффиксами. Раньше же эта форма, без всяких твердых на то оснований, переводилась как „дети Халда“, а отсюда „население страны Халда“ — халды.

На несостоятельность этих построений было указано уже давно. И. И. Мещанинов в одной из своих первых работ по урартскому языку совершенно убедительно доказал неправильность старого перевода. Ныне эта точка зрения разделяется всеми без исключения исследователями урартского языка. Термины „Халд“, „Халдия“ и „Халдини“ в урартской клинописи всегда пишутся с детерминативом бога — нет ни одного отступления от этого правила, а мы не знаем ни одного случая, чтобы в клинописи названию народа предшествовал бы детерминатив бога. И из контекста урартских надписей очевидно, что все эти формы имени бога Халда являются грамматическими формами одного имени.

Могут указать, что ассирийцы назывались по имени своего главного бога — бога Ассира (Ашура). Но это тоже неверно. Ассирия и ассирийцы получили название не по имени бога Ашура, а по имени

города Ашура, имевшего своего одноименного бога, который позднее стал богом большого государства. И в столице Урарту, городе Тушпе, был свой местный бог, носивший также имя Тушпа.

Название „Урарту“ заимствовано из ассирийских надписей. Как называли себя сами урарты, нам неизвестно, в текстах встречается лишь термин „Биайна“, обозначающий центральную часть Урарту. С ним, вероятно, связаны современные названия озера и города Ван. Осмысление термина „Ван“ как „большой город“ явление позднейшее.

Вследствие приведенных фактов отождествление урартов с халдеями Геродота и других античных авторов представляется совершенно необоснованным. Особенно это касается „Киропедии“ Ксенофонта, где уже самый контекст вызывает сомнение в таком отождествлении. Сопоставления эти исходят из неправильной предпосылки.

VI в. до н. э. для истории Передней Азии имеет весьма существенное значение. Этот период характеризуется гибелью старых государственных объединений и образованием новых племенных союзов и этнических групп, с которыми связаны современные закавказские народы. Этот процесс новых этнических перегруппировок происходит во всей Передней Азии.

В VI в. до н. э. на армянском плоскогорье появляется новое этническое образование — армены, представлявшее собою, по всей видимости, племенной союз, названный по имени одного из входивших в него племен. Армены, возможно, входившие ранее в состав Ванского царства, после его гибели пришли ему на смену. Под словом „пришли“ я не подразумеваю их далекий путь из западных районов Малой Азии, но все же передвижение этих племен на восток и северо-восток несомненно. Армены заняли территорию Урарту и этим объясняется равнозначность терминов „Урашту“ и „Армина“ в Бисутунской надписи. Было бы совершенно неправильным отождествлять арменов с урартами или считать их прямыми потомками урартов, хотя несомненно, что слияние арменов с местным урартским населением в районе оз. Ван имело большое значение для оформления армянского народа. Эти поиски прямых потомков урартов среди современных закавказских народов, как напр., грузин или армян, дадут небогатые результаты, так как сами урарты в Ванском царстве не были преобладающим большинством населения.

На примере Закавказья я показал, что культура этой части Ванского царства совершенно отличалась от урартской; такую же картину, несомненно, даст исследование и других районов этого государства, как далеких, так и, в некоторых случаях, близких к Биайне районов. Ванское царство представляло собою конгломерат мелких, а иногда и крупных племенных групп, объединенных урартской государственной властью.

В Передней Азии процесс этнообразования, процесс чрезвычайно сложный, происходил на основе общего переднеазиатского субстрата. Лишь этим можно объяснить связанность многих этнических переднеазиатских терминов, как это показал в своих работах Н. Я. Марр, и эти положения Н. Я. Марра представляются нам руководящими и единственно правильными, но вместе с тем они требуют коренного изменения исследовательских задач и оставления в стороне вопросов о прародине, праязыках и прямых предках.

Для истории народов СССР Урарту имеет значение не как предок одного или нескольких из современных закавказских народов, а как государственное образование, оказавшее большое влияние на развитие общества в Закавказье и связавшее его с древнейшей культурой Передней Азии.

Б. Б. Пиотровский

IV. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ПЕЩЕРНЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ БАССЕЙНА Р. ЮРЮЗАНИ (Ю. УРАЛ)

На II конференции Комиссии ископаемого человека АИЧПЕ было восстановлено организовать систематические поиски палеолита в неисследованных районах, к числу которых был отнесен и Южный Урал.

Возможность открытия на Ю. Урале палеолитических стоянок подкреплялась теми обстоятельствами, что на территории Башкирской республики имелись следы палеолита. К тому же на восточном склоне Ю. Урала был случай находки кремневого отщепа из буровой скважины. Если учесть, что обширный распластаный горный массив Ю. Урала не был затронут четвертичным оледенением и представлял собой богатую фауной (по данным раскопок Усть-Катавской пещеры) горную область, то делается понятным, почему поиски палеолита были направлены именно на Ю. Урал.

Первая попытка исследования пещер Ю. Урала была сделана в 1913 г. С. И. Руденко, изучавшим Лаклинскую и Игнатьеву пещеры преимущественно со спелеологическими целями.¹ Заложенный им в Игнатьевой пещере раскоп, не доведенный до материковой скалы, не дал результатов. Других сколько-нибудь достоверных сведений об археологических разведках в пещерах на Ю. Урале нет.

Весьма слабо также изучены бассейны рр. Сима, Аяя и Юрюзани с точки зрения новейшей геологической истории.²

В плане выполнения вышеупомянутого решения Челябинский областной музей вместе с ИИМК АН организовал в 1938 г. экспедицию с целью поисков палеолита первоначально в бассейне р. Юрюзани. Выбор именно этого района обуславливался наличием здесь известняков, изобилующих пещерами.

Первые стоянки древнего каменного века на Ю. Урале были найдены в 1938 г. в двух пещерах — Ключевой и Бурановской. Летом 1939 г. были продолжены исследования этих двух пещер и разведан район от пос. Лимоновка до ж.-д. ст. Усть-Катав, вверх по р. Юрюзани, и далее до пос. Орловка вверх по р. Катаву. Кроме того, был еще пройден маршрут от пос. Серпиевка до ж.-д. ст. Вавилово (Аша) по р. Симу. В результате проведенной работы удалось обнаружить четыре палеолитических местонахождения: два из них в гротах Кочкари I и II, в окрестностях сел. Кочкари (в 10 км севернее ст. Усть-Катав), одно в пещере близ Смирновского моста (в 2—3 км от ст. Усть-Катав) и одно

¹ Труды Общества земледелия при СПб. университете., т. III, СПб., 1914.

² См. статью М. М. Толстихиной в „Трудах Главного геологического управления“ (№ 81, 1931). — Н. И. Преобр. женский. Краткий отчет о работе партии по изучению четвертичных отложений в 1938 г. (хранится в фондах Главного геологического управления ЕАССР в Уфе). В последнее время изучением четвертичной геологии занимался Г. Ф. Мирчинк со своими учениками.

в бассейне р. Катава у пос. Орловка — в скалистом навесе. Культурные остатки в названных местонахождениях аналогичны тем, которые встречены нами в пещерах Ключевой и Бурановской, однако археологические сборы несколько беднее. Наш обзор поэтому будет касаться, главным образом, результатов изучения Ключевой и Бурановской пещер, расположенных на левом берегу р. Юрюзани. На отрезке Усть-Катав — пос. Лимоновка, в соседстве с которым находятся обе пещеры, р. Юрюзань проходит по узкой долине, окаймленной известняковыми возвышенностями девонского возраста, иногда почти отвесно обрывающимися к реке. Как для всех крупных рек этого района, Уфы, Айя, Сима, Сатки и др., очень характерно наличие резко выраженных меандр, получивших особенно сильное развитие на р. Юрюзани.¹ Девонские известняки, слагающие берега р. Юрюзани, имеют большое количество пещер, в которых и были поставлены разведочные работы.

Наиболее полно исследована Ключевая пещера. Она расположена на высоте около 45 м над уровнем реки, в скалистом обрыве. Разрез долины реки в этом районе представлен резким падением линии левого берега к реке, тогда как правый берег, более отлогий, имеет 4-метровый не везде ясно выраженный береговой уступ, переходящий в береговую возвышенность. Ключевая пещера коридорного типа выходит на юго-восток и имеет протяженность до 20 м. Характер напластований в пещере довольно однообразен: I слой — глина серовато-желтого цвета, мощностью до 40 см; II слой — коричневатая глина, однородная по своей консистенции, мощностью до 130 см; в этом слое, на глубине 130 см от поверхности, совершенно ясно выделяется культурный горизонт; III слой — тоже глина, с большой примесью песка, цвет глины коричневый, находок в ней не содержится. Во всех слоях встречается очень большое количество крупных камней, обвалившихся с потолка. Культурный слой в пещере Ключевой достигает мощности 40 см. На срезе он выделяется резко очерченными границами распространения угольков и костных остатков. Слой сильно насыщен уголками, составляющими очень тонкие, иногда сливающиеся прослойки. Угольки поражают своей сохранностью, а многие из них крупными размерами. По приближенному определению они являются остатками хвойных пород. Кости животных из культурного слоя, в большинстве сильно раздробленные или со сбитыми эпифизами, тоже отличаются прекрасной сохранностью. По определениям В. В. Карачаровского, выполненным под наблюдением В. И. Громовой, в пещере Ключевой найдены следующие виды животных: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros aff. tichorinus*), 2) первобытный зубр (*Bos priscus*), 3) лошадь (*Equus caballus*), 4) лось (*Alces alces*), 5) сев. олень (*Rangifer tarandus*), 6) олень благородный (*Cervus elaphus*), 7) косуля (*Capreolus pygargus*), 8) сайга [*Saiga tatarica* (?)], 9) медведь бурый (*Ursus arctos*), 10) волк (*Canis lupus*), 11) росомаха (*Gulo-gulo*), 12) куница (*Martes sp.*), 13) лисица (*Vulpes vulpes*), 14) песец (*Vulpes lagopus*), хорек, заяц, бобр, пищуха, водяная крыса, тушканчик большой, суслик, хомяк, рыбы, птицы.²

Особенно важным было обнаружение в культурном слое нескольких кремневых отщепов и одного отщепа из плотного сильно кальцинированного сланца. Их искусственное происхождение не вызывает никаких сомнений.

Найденные кремни имеют вид небольших удлиненных пластинок с ярко выраженными ударными бугорками, несущих на верхней поверхности следы предыдущих сколов с нуклеуса. Отщеп из сланца, тоже

¹ По М. М. Толстихиной.

² В. И. Громов на III конференции по изучению палеолита, состоявшейся в мае 1939 г., в докладе „Фауна Ю. Урала“ аналогизировал ее с четвертичной фауной Крыма.

плоский, имеет те же следы на спинке в виде ребристых фасеток. Кроме того, он сохранил по одному краю ясную подретушовку.

В комплексе костных остатков также выделены объекты, свидетельствующие об использовании кости обитателями пещеры. На одной неопределенной кости ясно заметны приостряющая конец сглаженность и три насечки на противоположном конце. Этот объект скорее всего служил наконечником метательного орудия. Среди костей на нескольких экземплярах заметны следы насечек и нарезок, оставленных при расчленении туш. В коллекции представлен и обломок рога оленя с ясно выраженным следом, оставшимся от энергичного удара при отделении его от стержня рога.

В пещере Бурановской, отстоящей всего в 2 км от Ключевой вверх по реке, условия залегания палеолитических остатков аналогичны.

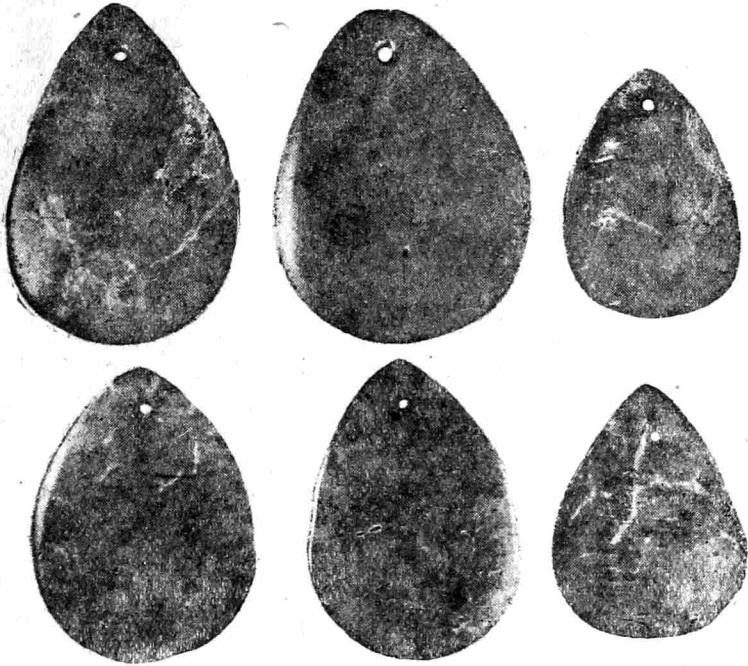

Рис. 10. Подвески из неолитического погребения в Бурановской пещере.

Сама пещера, как и большинство исследованных пещер коридорного типа, очень сырая, с выходом на юго-восток. Общая протяженность пещеры ок. 35 м. Стратиграфия отложений весьма сходна с указанной нами для пещеры Ключевой. В верхнем слое, темном по цвету и глинистом, найдена керамика, среди которой встречены черепки, некоторые из них по своей орнаментации близки к андроновскому типу. Здесь же обнаружено несколько обломков узких ножевидных пластинок из яшмовых пород. В верхнем слое встречены человеческие кости, принадлежащие разным индивидам.

Особенный интерес представляет погребение женщины, найденное в верхней части второго глинистого слоя. Покойник был погребен на спине в вытянутом положении и ориентирован головой на юг. В области таза и ног при скелете найдено 35 крупных подвесок, сделанных из зеленого змеевика (офита) (рис. 10). Все они имеют плоскую овальную форму и тщательно отшлифованы с одной стороны. Череп скелета находился в специальной вырытой ямке глубиной около 10 см, сплошь заполненной красной охрой. Датировка погребения неолитиче-

ским временем не вызывает сомнений, так как аналогичные ему по характеру захоронения известны, напр., по раскопкам В. И. Равдоникаса, открывшего на Оленьем острове погребения с частичной окраской охрой. А. Я. Брюсов раскопал погребения в Вологодской обл. в местности Каравайха, на правом берегу р. Еломы. В погребениях наблюдалась лишь небольшая присыпка охры у черепов. Наконец, раскопанное нами в 1939 г. вполне аналогичное бурановскому погребение в навесе Старичный гребень находилось в культурном слое неолитического возраста, что подтверждает высказанную датировку.

Любопытно отметить, что на стене пещеры обнаружены изображения, вероятно, лося и сверху, может быть, гарпуна, выполненные охрой. Изображение животного статично и не отличается реализмом. В качестве вопроса, не давая ему окончательного решения, на основании работ только 1938 г. можно предположить, что изображение синхронично погребению. За это говорит близость цвета охры, собранной у черепа, с окраской изображений. Кроме того, в слое выше погребения полностью отсутствовали какие бы то ни было следы краски. Если дальнейшими исследованиями возможно будет доказать одновременность погребений с изображениями на стене, то археологи получат материал, датирующий определенный круг уральских писаниц, к которым относятся упомянутые изображения.

Под слоем, содержащим погребение, залегал желтый глинистый слой; в нем на глубине 180 см четко определилось очажное потемнение со множеством угольков, расколотых и обожженных костей животных и с очажными камнями. Последние сильно обожжены, а многие из них буквально облеплены золой и угольками.

Определения фауны из Бурановской пещеры совпадают с фауной из пещеры Ключевой. Отсутствует лишь носорог, не представленный находками, вероятно, вследствие небольшой площади раскопок. Кремня в Бурановской пещере встречено всего 2 шт., оба они имеют вид небольших отщепов. Резюмируя все сказанное относительно раскопок в пещерах Бурановской и Ключевой, можно прийти к выводу о несомненном палеолитическом возрасте этих двух стоянок.

Определить время заселения пещер более точно, т. е. указать, к какой именно эпохе относятся остатки культуры в Ключевой и Бурановской пещерах, можно лишь приблизительно. Во всяком случае, присутствие холодолюбивых форм животных, в том числе и носорога, а также кремневый инвентарь из Ключевой пещеры, представленный, как мы сказали, удлиненными пластинками, сколотыми с призматического нуклеуса, свидетельствуют о верхнепалеолитическом возрасте стоянок. По данным фауны, стоянки могут быть датированы солютрейской эпохой. Если судить по составу животных, в западной части Челябинской обл. и восточной части Башкирской республики в четвертичное время существовали заболоченные низины, покрытые травянистой растительностью, чередующиеся с горными массивами, покрытыми хвойными лесами, вероятно и березняком. Эти массивы в свою очередь переходили (особенно на западе) в открытые холодные равнины со скудной растительностью. Вряд ли возможно, чтобы палеолитические люди в пределах обследованного района подолгу жили в пещерах. Все разведанные нами пещеры водного происхождения, очень сырые и не могли служить постоянными убежищами для человека. Скорее всего это были временные стоянки охотничьих групп (подобно, скажем, стоянке у г. Томска), заселявших пещеры на небольшие промежутки времени. Это подтверждают два факта: во-первых, как об этом было уже сказано, культурный слой в пещере Ключевой состоит из тонких прослоек угля и костей, отделенных друг от друга тончайшими прослойками глины, во-вторых,

в обеих пещерах, при столь обильном количестве костей животных, найдено очень мало кремневых изделий. Последнее важно для характеристики стоянок как временных, на которых не производилась выделка орудий. Кремень же, видимо, был крайне ценным материалом и весьма экономно расходовался первобытным человеком, так как в районах, близких к стоянкам, месторождений его не встречается. Ведущим занятием коллективов охотников, заселявших бассейн р. Юрюзани, была охота на крупных животных, кости которых в изобилии встречаются в культурных слоях. Экономически коллективы менее всего были связаны с узкими долинами горных рек, хотя и имели там свои временные стойбища в пещерах. Основными же охотничьими угодьями служили обширные водораздельные плато, склоны возвышенностей и низины. В этих условиях и следует в дальнейшем производить поиски основных стоянок.

Как известно, палеолитические памятники Европейской и Азиатской частей СССР были разделены огромным не обследованным пространством от бассейна Волги до г. Томска. Обнаружение палеолита на Ю. Урале является как бы связующим звеном для столь разобщенных областей с уже известными памятниками палеолита.

С. Н. Бибиков

2. ДЕСЯТЫЙ СЕЗОН РАСКОПОК САЯНО-АЛТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК И ГИМ

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Исторического музея и Института истории материальной культуры АН СССР еще в 1930 г. поставила одной из своих основных задач выяснение процесса формирования у хакасов классового строя и государства. В связи с этим был выдвинут вопрос о выделении в древнем обществе на Енисее слоя степной аристократии и о ее быте. Однако с большой осторожностью мы подходили к практическому достижению поставленной цели. Памятники, исследование которых могло пролить свет на интересующие нас вопросы, судя по раскопкам наших предшественников, были весьма неясны и требовали подготовительной работы. Поэтому, несмотря на то, что еще в 1931 г. мы открыли чаа-тас (древний хакасский могильник) около с. Копён и для нас уже тогда стало ясным его большое значение, к исследованию его курганов мы приступили только в 1939 г. За это время мы накопили известный опыт исследования чаа-тасов. Начав в 1931 г. с маленьких каменных холмиков нижнего могильника копёнского чаа-таса, через изучение рядовых древнехакасских (кыргызских) могил около с. Теси (1932),¹ мы пришли к исследованию в 1935 г. каменных курганов степной аристократии древних племен Ойротии.² Здесь впервые для VIII—IX вв. был обнаружен обычай сохранения положенных с покойником драгоценностей в особых тайниках около могил. В 1936 и 1938 гг. мы произвели первые обширные раскопки крупных курганов кыргызской знати на известном чаа-тасе около ст. Уйбат в Хакасии, ведя их параллельно с изучением родовых усыпальниц племенной аристократии предшествующей таштыкской эпохи. Тогда мы впервые выяснили конструктивные детали каменных курганов, особенности их погребального обряда, их прямую связь с памятниками

¹ Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Енисее. Археол. сб. ГИМ, М, 1939.

² Советская археология, вып. I.

предшествующего времени.¹ Только после этого мы сочли возможным приступить к исследованию самых крупных каменных курганов на среднем Енисее.

Чаа-тас, начатый раскопками в 1939 г., расположен в 5 км от с. Копён Баградского района Хакасской Автономной Области, на второй террасе левого берега р. Енисей, у дороги в с. Баград. Он состоит из пяти идущих с СЗ на ЮВ цепочек курганов, сложенных из плиток девонского песчаника. Курганы различны по размерам. Особенно велики курганы самой юго-западной цепочки. На большинстве курганов уцелели вертикально поставленные плиты, отмечавшие углы и стороны по четырехугольнику. На всех курганах были заметны следы грабительских раскопок. Кроме каменных курганов, на площади чаа-таса очень много могил, отмеченных еле заметными каменными холмиками, но и эти могилы все подверглись некогда ограблению.

В 1939 г. мы раскопали два небольших и один средних размеров курган в северо-восточной части могильника (№№ 3, 4 и 5) и три самых крупных в юго-западной цепочке (№№ 1, 2 и 6). Курганы №№ 1 и 2 имели округлую форму с подчетыреугольными выступами с западной стороны и были настолько близки друг к другу, что полы их сливались. Также слился с соседним и курган № 3. Вертикальные каменные стелы стояли на всех курганах, кроме № 2.

Раскопки сразу же убедили нас в пышности некогда производившихся здесь похорон: могильные ямы были гораздо больше исследованных ранее (3 × 3 м). При этом они были вырублены на значительную глубину в скале. По совершении похорон, ямы были накрыты бревнами с берестой и сверху заложены камнями насыпи. К сожалению, еще до того, как накаты сгнили и провалились, в могилах побывали грабители. Мы нашли в могилах лишь отдельные кости людей, иногда пережженные, кости овец, коров и обломки кыргызских ваз. Кроме того, в завале грабительских ходов оказались золотые серьги и массивные бляшки; в кургане № 2 была найдена массивная золотая поясная бляха с тонким растительным узором. Из других находок отметим найденный среди камней кургана № 5 обломок рельефной бляхи с изображением части крупа и ноги коня с подхвостным ремнем, увешанным кистями. Эта находка, впервые заставившая нас вспомнить сасанидское серебро, и послужила как бы интродукцией к дальнейшим открытиям.

При исследовании чернозема, погребенного под насыпью кургана № 2, с западной стороны в 0,2 м от могильной ямы была обнаружена ямка, в которой под провалившейся плитой оказалось серебряное золоченое блюдо с узорчато вырезанными краями. На блюде стояли четыре золотых кувшина (рис. 11). Два из них гладкие, без узоров. На днищах обоих имеются надписи орхоно-енисейским алфавитом. Одна по предварительному чтению гласит: „Шестнадцать кушаний дар [народа] Ач“, другая: „Бегству серебро мы дали“. Третий кувшин покрыт чеканным узором, отделанным резцом. Растительные элементы покрывают его сверху донизу, и среди них в медальонах расположены изображения хищных птиц, держащих в клюве рыб. Парные изображения птиц имеются и на ручке сосуда, украшенной еще сапфиром. Четвертый кувшин украшен накладным золотым узором, основным элементом которого являются щитки переплетающихся цветов, в центре которых помещен полумесяц. Орнаментация обоих сосудов при все ее своеобразии общей композицией весьма напоминает отделку некоторых сосудов, близких сасанидскому Ирану.

В том же кургане № 2 с южной стороны могильной ямы был обнаружен второй тайник, в котором оказались многочисленные и разно-

¹ Вестник древней истории, 1937, № 1.

Рис. 11. Золотые сосуды, стоящие на серебряном блюде, найденные при раскопках тайника кургана № 2 в положении, показанном на фотографии.

Рис. 12. Скачущий всадник (бронза). Найден в тайнике кургана № 6.

образные серебряные, золотые и бронзовые наременные бляхи, украшенные изображениями цветов и птиц, аналогичных имеющимся на сосуде. Вместе с этими вещами лежал согнутый пополам массивный золотой диск, покрытый растительным узором и парным изображением стоящих на облаках павлинов. Весь орнамент диска выполнен в ярко выраженной китайской манере, но павлины являются своеобразной репликой птиц на сосуде.

Если находки в тайниках кургана № 2 приводят даже не специалистов в восхищение ценностью использованного материала (серебра 2 кг и золота 3 кг) и высокохудожественной орнаментацией, отражающей взаимодействие степных культур с двумя величайшими цивилизациями древности, то с точки зрения историко-культурной еще большее значение имеют находки в последнем, шестом, кургане.

Расположение погребений было здесь необычно. Две обширные погребальные ямы были размещены в крайних (северных и южных) частях кургана. В центре же находились мелкие ямки с обломками костей и горшков. Среди этих ямок были открыты два тайника, содержавшие по одному седельному набору. Основные части наборов были одинаковы. Они различались лишь формой и рисунком на ременных бляхах и наличием в одном случае, кроме пары железных, еще и пары бронзовых стремян.

Во втором тайнике вместе с украшениями сбруи оказалась кучка пережженных костей человека, обломки сильно оплавленного массивного золотого браслета и часть золотой серьги.

Массивные наременные украшения из обоих тайников говорят о многом. Бляхи одного набора выполнены в китайской манере, решетчатые бляхи другого украшены звериными мордами, как бы перенесенными сюда с классической „скифо-сибирской“ бронзы тагарской эпохи. Этим впервые обнаруживается необычайная живучесть в древнехакасском искусстве стиля и сюжета глубокой старины, что еще раз подтверждает наше предположение об исконной автохтонности хакасов среднего Енисея.

Однако самым важным было открытие среди обоих наборов ременных блях ряда рельефных изображений, из которых складываются целые охотничьи сцены. Поскольку изображения в каждом тайничке дублированы, но дублиеты обращены в разные стороны, можно предполагать, что аналогичные сцены украшали правую и левую стороны какой-то седельной принадлежности. Их величина исключает возможность размещения их по обоим крыльям луки седла. Скорее они украшали правую и левую стороны чепрака. Центральной фигурой всех четырех сцен является скачущий на коне охотник (рис. 12). Он повернулся и стреляет из лука назад. У него нет шапки, его волосы стянуты только тесьмой и вольно развеваются по ветру. Особенно хорошо видны одежда, мягкие сапоги и детали сбруи, вплоть до изогнутых псалий и кистей на ремнях шлеи. Четко сделаны лук, слегка изогнутая сабля и степной берестяной, но богато украшенный колчан. Всадник, очевидно, стреляет в льва, фигура которого дана в большом размере и в позе яростной, отчаянной обороны. Кругом располагаются скачущие львы, тигры, вепри, лани и зайцы. Все происходит где-то в горах, своеобразные изображения которых представлены особыми рельефами. Как фигура всадника, так и изображения зверей дышат необычайной экспрессией и глубоким реализмом. В значительной степени напоминая персонажи сцен охоты на сасанидских блюдах, они далеко превосходят их живостью, отсутствием нарочитой неподвижной торжественности. Вместе с тем, бросается в глаза прочная связь искусства наших рельефов со скифо-сибирским, от которого оно унаследовало свою замечательную реалистическую энергию.

Несомненно, перед нами совершенно новая сторона степного искусства Азии, которое для изучаемой эпохи (VII—X вв.) до сих пор обычно считалось чисто орнаментальным, лишенным сюжета. Еще предстоит большая работа, но уже сейчас можно сказать, что наши находки заставят совершенно по-иному определить ряд замечательных рельефов из так наз. „сибирского золота“ Эрмитажа, собранного еще в XVIII в. Вместе с тем, может быть, иначе станет восприниматься и сасанидский рельеф, повидимому, создававшийся во взаимодействии с орнаментикой не только Востока, но и степного мира. Во всяком случае, уже первые результаты начавшихся раскопок копёнского чаа-таса позволяют нарисовать яркую картину быта богатой, утонченной древнекыргызской (хакасской) аристократии и приподнять еще выше завесу, скрывающую от нас более точное определение социальной сущности государства енисейских кыргызов в эпоху орхонского письма.

Л. А. Евтюхова

С. В. Киселев

V. ИНФОРМАЦИИ

1. О ПЕРВОМ ТОМЕ „ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ“

Подготавливаемый Институтом первый том „Истории русской культуры“ является одним из основных и ведущих заданий плана Института на 1939 г.

Задача дать целостное и всестороннее освещение вопросов истории культуры нашей родины на основе использования всех новейших данных, добытых советской наукой, исключительно ответственна и интересна:

Уже при составлении проспекта и плана первого тома авторскому коллективу пришлось натолкнуться на ряд тем, которые не имели предварительной научной разработки; дальнейшая работа над последующими томами несомненно также выявит ряд „белых пятен“ в области изучения отдельных сторон русской культуры. Таким образом часть глав тома будет представлять собой результат совершенно заново проведенной исследовательской работы; также и в остальных главах коллектив авторов принял на себя обязательство ввести в изложение как можно более свежего, еще неопубликованного материала.

Первый том охватывает время от VIII—IX вв. н. э. и до монгольского завоевания. Данное членение, после неоднократных дискуссий, было признано наиболее целесообразным; оно охватывает две стадии исторического развития древней Руси — дофеодальный период и начало периода феодальной раздробленности, когда культура отдельных феодальных полугосударств — княжеств — еще питается, в основном, соками культуры Киевской Руси, выработывая, на их основе, местные индивидуальные оттенки и отягчения. Культура XII—XIII вв. развивается на очень высоком уровне, не отставая от развития западноевропейских соседей, лишь монгольское завоевание наносит резкий удар, кладя основы той отсталости древней Руси, о которой так ярко говорил И. В. Сталин в своей исторической речи на I конференции работников промышленности в феврале 1931 г. Изложение двух исторических этапов на материале каждого раздела, каждой стороны материальной или духовной культуры с полной ясностью показывает изменение в характере развития при переходе к периоду феодальной раздробленности, причем одновременно подчерки-

вается линия преемственности культурного развития.

Освещение истории русской культуры во всех ее проявлениях — от земледелия и ремесла и до надстроечных явлений, права, искусства, музыки — могло быть осуществлено лишь путем коллективной работы ИИМК с Институтом истории и привлечения отдельных работников других специальностей. Принцип коллективности работы проведен во всей полноте; редколлегия, совместно с авторским коллективом, обсуждает, подвергает критике, выправляет каждую главу; этот организационный принцип поможет коллективу добиться единства в изложении не только по содержанию, но и по форме.

Полученные в настоящее время главы тома (в редакцию поступило более 75% текста) позволяют сделать общий обзор содержания книги и характера ее изложения. Том открывается двумя главами введения. В первой главе дан краткий историографический очерк, показывающий условия, в которых появились первые попытки научно обобщить историю культуры нашей родины, характер освещения этой темы на протяжении XVIII—XX вв. вплоть до характеристики задач, стоящих перед советской историей русской культуры. Вторая глава дает краткий исторический очерк рассматриваемого времени, охватывающий и период несколько более ранний (с V—VI вв. н. э.) и заканчивающийся характеристикой монгольского завоевания. Далее следует основной раздел тома, посвященный материальной культуре; значение этой части книги состоит в том, что эта сторона культуры или вовсе игнорировалась старой буржуазно-дворянской историографией или была крайне бедной. Здесь эта тема развернута на основе материалов, собранных советской археологией, впервые обратившейся к этой основной проблеме. Первая глава дает характеристику сельского хозяйства древней Руси, показывая развитие земледелия от подсечного к пашенному, эволюцию скотоводства, роль и удельный вес вспомогательных сельских промыслов: охоты, рыболовства, бортничества и пр. Следующая глава освещает богатейшую картину древнерусского ремесла с его организацией труда, техни-

кой, развитой специализацией; основное место занимает освещение ремесел гончарного, кузнечного, литейного; особенно интересны красочные страницы, посвященные вопросам сельского домашнего ремесла; автор главы (Б. А. Рыбаков) подытоживает в ней результаты многолетней чрезвычайно тонкой исследовательской работы. Особая глава посвящена характеристике поселений городских и сельских, видам и развитию жилища; здесь же дан краткий очерк истории одежды и пищи. В главе „Торговля и торговые пути“ читатель ознакомится с широкой системой торговых связей древней Руси, обогащавших ее культурное развитие, видами торговли от внутреннего мелкого обмена до широких международных операций, системой основных торговых артерий и их историко-географическим значением. Специально вопросам денег и денежного обращения посвящена пятая глава. Развитие путей и средств сообщения и их характеристика дается в шестой главе; здесь читатель найдет интересные страницы, освещающие развитие древнерусского речного транспорта от древнейших моносил-однодеревек до больших транспортных судов, картину способов их передвижения, состояния сухопутного транспорта и т. п. Последняя глава раздела дает характеристику военного дела древней Руси и распадается на три части: вооружение, стратегия и тактика, крепостные сооружения; здесь авторами собран большой и интересный материал, исчерпывающе рисующий военное дело и древнейшие страницы героической истории нашего народа. Существенно подчеркнуть, что и в этой области древняя Русь была

высоко развитой страной и только политическая раздробленность ее дала перевес монгольскому оружию в роковом 1238 г.

В разделе „Социально-политический строй“ дана картина эволюции политического устройства страны от дофеодалного периода к оформлению феодальных княжеств, развитие классов и классовых борьбы. Особые главы посвящены древнерусскому праву и судопроизводству, сопоставляемым с правом стран Западной Европы, религии и церкви, семье и воспитанию.

Раздел „Духовная культура“ показывает развитие основных надстроечных явлений. Здесь читатель найдет очерк истории формирования древнерусского языка, с его различными местными и социальными вариантами, картину состояния просвещения древней Руси и развития могучего художественного творчества русского народа, создавшего свой красочный фольклор, литературу и изумительные образцы зодчества. Духовная культура получает в книге детальное освещение, так как и здесь, как и в области материальной культуры, советская наука ввела столько новых памятников, что они позволяют дать совершенно новое изложение истории древнерусского искусства, показывающее высоту культурного развития древней Руси.

Заключительные главы тома подводят итоги предшествующего изложения, обобщая основные выводы о значении культуры древней Руси в общем потоке культурного развития средних веков Европы и Востока.

Н. Н. Воронин

2. III КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТА

15—19 мая 1939 г. в Киеве состоялась III научная конференция по изучению четвертичного периода, организованная Институтом археологии Украинской Академии Наук, Советской секцией международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA) и Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

Задачей конференции являлось подведение итогов изучению древнейшей истории нашей страны за 1938 г., главным образом в области палеолита и неолита. На конференции присутствовало свыше 100 делегатов республиканских, областных и краевых музеев и научно-исследовательских институтов, а также ряда районных музеев. В работе конференции приняли участие представители различных специальностей: археологи, геологи, геоморфологи, почвоведы, палеозоологи, палеоботаники.

Столь широкий охват специальностей лишний раз подчеркивает растущее значение комплексного метода, обеспечивающего наибольшую полноту наших зна-

ний по наиболее древним этапам истории человеческого общества и природной среды.

В центре внимания конференции были проблемы, связанные с комплексным методом изучения памятников палеолита на территории Украины, в частности памятников на р. Десне. Однако не меньшее значение приобрели и доклады, связанные с исследованием памятников на других территориях Советского Союза.

Конференцию открыл вице-президент Академии Наук УССР академик В. Н. Чернышев. В своей вступительной речи академик Чернышев указал на то огромное значение конференции, которая должна продемонстрировать достижения геологии и археологии в нашей стране и рост новых молодых научных кадров, способных обеспечить дальнейшее развитие этих наук в СССР.

Г. Ф. Мирчик (ГИН, Москва) в докладе „Некоторые итоги и ближайшие задачи в области исследования ископаемого человека и фауны СССР“ обрисовал результаты работ, проведенных

в 1938 г. К числу наиболее существенных достижений Мирчинк относит новейшие исследования на Кавказе и в Крыму, позволяющие подойти к разрешению вопроса о геологической датировке не только открытых, но и пещерных поселений.

Весьма существенным вкладом в науку явились исследования четвертичных отложений на р. Десне и на Урале. Особенно важным и открывающим широкие перспективы для исследования было открытие в Средней Азии пещерного поселения мустьерского возраста в гроте Тешик-таш, где были найдены кости неандертальца.

К числу первоочередных задач советских исследователей докладчик относит: 1) дальнейшее совместное изучение накопленного материала по фауне, флоре и материальной культуре; 2) разработку вопросов стратиграфии четвертичных отложений, вытекающих из потребности нашего строительства; 3) углубленное изучение четвертичных отложений в пределах распространения ледниковых образований, с тем, чтобы окончательно разрешить споры о количестве оледенений на территории СССР; 4) организацию планомерных исследований четвертичных отложений Восточной Сибири и Средней Азии; 5) необходимость развить и углубить наши знания в области комплексного изучения поселений неолита.

Группе стоянок в районе среднего течения р. Десны был посвящен ряд докладов.

М. В. Воеводский (ИИМК) сделал сводный доклад на тему „Палеолит среднего течения Десны“, в котором охарактеризовал особенности палеолитических стоянок по р. Десне и установил хронологическую последовательность их возникновения. Все стоянки докладчик делит на четыре группы. I группа — стоянки, относящиеся ко времени нижнего палеолита; это пока еще одно местонахождение Чулатово III, где под рисской мореной встречены обработанные кремни. Ко II группе докладчик относит стоянки Чулатово I, Пушкари I и Новгород-Северскую стоянку. Время существования их определяется конечной датой, не позднее ранней поры мадленской эпохи. К III группе относятся стоянка Чулатово II, залегающая в верхних горизонтах лёсса и датиремая средней порой мадленской эпохи. Наконец, в IV группу входят стоянки, подобные найденной у с. Пушкари, в местности Покровщина (Пушкари VII), залегающие на нижних террасах больших балок и проходных долин. Время, к которому должны быть отнесены эти стоянки, — азияльская эпоха.

Определяя дальнейшие задачи археологических исследований, докладчик считает необходимым развернуть полевые работы в более северных и южных районах по течению р. Десны. В работах

должны принять участие не только специалисты по палеолиту, но также и по более поздним эпохам.

В. И. Громов (ГИИИ, Москва) в докладе „Геология палеолитических стоянок р. Десны“ дал общую характеристику условий геологического залегания стоянок. Докладчик устанавливает следующую стратиграфию отложений на р. Десне: на коренных породах (мел, бучакские пески) залегают миндель и миндель-рисские образования, выше их простирается рисская морена, являющаяся маркирующим горизонтом для этого района. Морена достигает мощности от 2 до 10 м. Рисский ледник встретил в этом районе уже расчлененный рельеф местности, поэтому морена спускается довольно глубоко к современной долине р. Десны. Выше морены залегают маломощные флювио-гляциальные пески, перекрытые суглинками с горизонтами ископаемой почвы. К суглинкам, лежащим выше флювио-гляциальных песков, обычно и приурочиваются стоянки. По геологическим признакам их можно разделить на четыре группы. К I группе относится, вероятно, нижнее палеолитическое местонахождение Чулатово III. Ко II группе — стоянки Чулатово I, Пушкари I и Новгород-Северская, находящаяся в самом основании лёссовой свиты или в основании балочного аллювия. III группа — Чулатово II, которая залегают в верхней части лёсса и относится к концу юрмского оледенения. Последняя, IV группа стоянок, напр. стоянка Покровщина, приурочивается к бортовой террасе послевюрмского времени. Предложенная докладчиком схема увязывается с данными археологии.

Результатам раскопок стоянки Пушкари I был посвящен доклад П. И. Борисовского (ИИМК) „Палеолитическая стоянка Пушкари I“.¹

И. Г. Пидопличка (Зоол. инст. АН УССР, Киев) сделал сообщение о „Раскопках палеолитической стоянки у Новгород-Северска“.² Докладчик остановился на вопросе геологических залеганий культурных остатков, которые приурочиваются к нижней границе лёсса и подстилающей лёсс валунной глине. Находка в лёссе остатков моллюсков Unio по мнению докладчика, лишней раз доказывает водное происхождение лёсса. Особенный интерес представляют находки на стоянке крупных кремневых орудий — гигантолитов, не имеющих себе равных в СССР; один из них достигает 8 кг веса. Среди обильной фауны, собранной из культурного горизонта, определены: северный олень, п-сец, волк, медведь и др. На-

¹ См. Краткие сообщения о работах о полевых исследованиях ИИМК, вып. II, 1939, стр. 10.

² Сообщение было сделано во время пребывания членов конференции на месте раскопок стоянки.

ходки костей мамонта и носорога докладчик не связывает с охотничьей добычей обитателей стоянки, а полагает, что эти кости находились в мерзлотных линзах, откуда и занесены на стоянку. Возраст стоянки определяется докладчиком как мадленский.

На месте раскопок М. В. Воеводский (ИИМК) выступил с докладом о результатах раскопок стоянки Чулатово II. В процессе раскопок были найдены врытые вертикально кости мамонта, вероятно служившие опорой для стен жилища. Набор кремневых орудий позволяет датировать стоянку поздним мадленским временем.

М. А. Гремяцкий (Антропол. инст., Москва)¹ сделал сообщение о находках остатков палеолитического человека. Как известно, в Новгород-Северской стоянке при раскопках был найден небольшой обломок черепа человека, а в стоянке Пушкари — молочный зуб ребенка. В своем сообщении докладчик дал антропологическую характеристику названных остатков.

В. Я. Захарченко (Сосницы) в своем выступлении охарактеризовал неолитические находки в районе г. Десны и ее притоков. Среди них особый интерес представляют стоянки в торфяниках, давшие многочисленные костяные изделия (рыболовные крючки, острия и т. д.).

С докладом „О четвертичных отложениях района Киева и его окрестностей“ выступил Д. П. Биленко (Геол. инст. УССР, Киев). Доклад сопровождался демонстрацией разрезов в районе города. Биленко полагает, что состав четвертичных отложений Киева и его окрестностей определяется расположением этого района на границе лёссового и зандрового ландшафтов.

В лёссовом районе следует различать два участка — северный и южный, отличающиеся по составу над- и подморенных серий. Северный участок лёссового района отличается трехчленным составом надморенной лёссовой серии, а южный — надморенной серией, состоящей из трех ярусов лёсса. Надморенная толща разделяется двумя ископаемыми почвами. 2-й и 3-й ярусы лёсса южного участка замещены в северном участке флювио-гляциальными песками рисса и вюрма I, что говорит в пользу ледникового возраста лёсса. Верхний ярус лёсса северного участка подстилается песками, залегающими на срезанной поверхности ископаемой почвы вюрмского интерстадиала. Это указывает на водные эрозионные процессы эпохи вюрма II. Под мореной в северном участке залегают флювио-гляциальные пески и пресноводный лёсс, а в южном — три яруса лёсса.

В зандровом районе также различается трехчленный состав надморенной толщи. В эпоху вюрма I зандровый район

был покрыт лесом, и тогда граница лёссового и зандрового ландшафтов проходила севернее современной, которая является уже вторичной.

Эрозионная сеть плато и долины р. Днепра развивалась под влиянием ледниковых явлений. В долине Днепра формировались террасы: миндельская, рисская и вюрмская, а на правобережном плато существуют соответствующие им денудационные поверхности. Развитие эрозионных явлений на плато и в долине р. Днепра было связано с преобладанием эпейрогенического поднятия в первом и опускания во втором районе.

П. И. Борисковский сделал сообщение на тему „Кремневые орудия Кирилловской стоянки“ с демонстрацией материалов в Историческом музее. Докладчик охарактеризовал комплексы орудий из верхнего и нижнего горизонтов в стоянке. Оба комплекса орудий весьма сходные и представляют одну и ту же ступень культурного развития, разделенные небольшим промежуток времени. В своем сообщении докладчик остановился также на описании стоянки с точки зрения планировки находок и условий залегания культурных остатков. Датировка нижнего и верхнего культурного слоев Кирилловской стоянки, по мнению докладчика, не выходит за пределы раннего или среднего мадлена.

В. И. Громо в дополнил сообщение П. И. Борисковского некоторыми сведениями о геологических условиях залегания культурных остатков Кирилловской стоянки.

Доклад Т. С. Пассек (ИИМК) ознакомил пленум с последними результатами исследований трипольских площадок в урочище Коломищина, близ с. Халепья.¹

Результаты исследования стоянок древнего человека в районе порожистой части Днепра, в зоне строительства Днепровской плотины, были освещены в ряде докладов.

А. Н. Рогачев (ИИМК) в докладе „Палеолитические стоянки в Кайстровой балке“ сообщил о раскопках палеолитических стоянок близ с. Петровского в Кайстровой балке, Днепровской обл. Стоянки 1-я, 2-я и 3-я расположены в верхних слоях первой лёссовой террасы Днепра. Характер культурных слоев дает основание предполагать, что поселения состояли из групп наземных жилищ. В списке фауны из этих стоянок отсутствует мамонт. Ближайшей аналогией этим стоянкам может служить Журавка на р. Удае. Время существования поселения определяется самым концом палеолита. Несколько иную картину дает стоянка 4-я, расположенная в верхних слоистых отложениях второй террасы Днепра, в незначительном отдалении от устья балки. Культурный слой стоянки окрашен охрой

¹ Сообщение представлено на конференции в письменном виде.

¹ Краткие сообщения..., вып. I. 1939, стр. 20.

и содержит большое количество кремневых орудий и отщепов, почти при полном отсутствии фауны. По характеру кремневого инвентаря стоянка может быть датирована мадленским временем.

А. В. Д о б р о в о л ь с к и й (Одесса) дал общий обзор и хронологическую классификацию неолитических стоянок в районе порожистой части Днепра. По мнению докладчика, пока наиболее древним типом поселений в этом районе является стоянка на Среднем Стоге, которая характеризуется керамикой с ямочным и бороздчатым орнаментом. Следующая по времени стоянка — на острове Волчок. Здесь встречены шлифованные клинья орудия типа транше и трапеции со „стесанной спинкой“. Керамика имеет гребенчатый и веревочный орнамент. Поздний этап неолита представляет стоянка у Дурной Скалы, где руководящим орудием является сверленный топор-молоток. Вышеуказанные стоянки относятся в основном к оседлому рыболовецкому населению, у которого уже заметен переход к примитивному мотыжному земледелию. Последнее особенно интенсивно развивается в следующий период, который характеризуется в данном районе особым типом каменными сооружениями, где были найдены бронзовые серпы и обломки тальковых матриц.

М. А. Миллер (Ростов на Дону) сделал сообщение о „Неандертальских признаках на черепах из неолитических погребений“. Материалом для доклада послужили, главным образом, погребения, раскопанные Днепропетровской экспедицией на Игреском полуострове, относящиеся к эпохам неолита и бронзы. Докладчик устанавливает ряд пережиточных признаков на черепах из неолитических погребений. К числу таких признаков относятся: сильное развитие надбровных дуг, низкий покатый лоб и прогнатизм.

В. А. М и з и н (Днепропетровск) в своем сообщении обрисовал основные черты памятников, расположенных в устье р. Самары (левый приток Днепра). На Старо-Игреском полуострове были найдены следы большой неолитической стоянки. Среди собранного подъемного материала, состоящего преимущественно из каменных и костяных изделий, обращает на себя внимание значительное количество скребков на отщепе. Кроме них найдены: трапециевидные микролиты-вкладыши, ножевидные пластинки, нуклеусы, отбойники, отжимки и т. д. Собрано также несколько полированных орудий (клинья, долота). Костяной инвентарь представлен, главным образом, обычными шпальями. Керамика найдена в небольшом количестве. Среди черепков встречаются орнаментированные гребенчатым штампом. Есть основание предполагать, что керамика разновременна. По характеру инвентаря стоянка близка по времени к стоянкам Волчок и Среднему Стогу (II слой).

М. К. Я к и м о в и ч (Умань) сообщил о следах палеолитических стоянок и фаунистических находках у с. Владимировки Уманского района и с. Куты Бугского района.

Н. Стан (Полтава) поделился своими наблюдениями, сделанными во время разведочных работ в 1939 г. в балке Климово у с. Днепро-Каменка на правом берегу р. Днепра в 60 км ниже г. Кременчуга. В результате этих работ установлено, что в основании серых песков, под ископаемыми почвами на глубине 12 м, залегают остатки палеолитической стоянки. Около скопления костных остатков сибирского носорога, мамонта, оленя и др. обнаружен очаг. На расстоянии 4 м от очага найдено несколько кремней, среди них: массивный удлинённый нуклеус, кремневое острие, скребок и др. На дне оврага найдено небольшое „рубильце“. Археологический материал, добытый с этого местонахождения, пока слишком беден, чтобы дать точную датировку. Стратиграфические, палеонтологические, археологические данные, а также расположение стоянки у южной границы рисского оледенения позволяют ставить это местонахождение в ряд наиболее интересных и важных.

Об „Итогах исследования послепалеолитических стоянок бассейна р. Донца“ сообщил Н. В. Сибилев (Святогорск). В докладе были суммированы исследования, проводимые докладчиком, начиная с 1919 г. и до настоящего времени. На основании изучения кремневых орудий и в частности многочисленных микролитов Н. В. Сибилев считает, что основными занятиями обитателей послепалеолитических стоянок у речных водоемов в районе Донца были: собирательство, рыбная ловля и охота. Все обнаруженные местонахождения этого времени разбиваются на две группы: сезонные, где встречается небольшое количество остатков культуры, и постоянные поселения, где, наоборот, находки остатков культуры многочисленны. Н. В. Сибилев устанавливает, что употребление мелких кремневых орудий (микролитов) продолжается значительно позднее, чем послепалеолитическое время, наряду с другими орудиями и в других хозяйственных условиях.

Об обследовании территории Донбасса с целью выявления палеолитических памятников сделал сообщение С. А. Локтюшов (Ворошиловоград). В результате археологических разведок в бассейне р. Донца, начиная с 1919 г. по настоящий момент, открыты, кроме стоянки мустьерского возраста на р. Деркул, изученной П. П. Ефименко, остатки верхнепалеолитического поселения у Красного Яра на р. Донце. Стоянки, найденные на правобережье р. Евсуга, относятся к азиатской стадии. Они широко распространены в пределах обследованного района.

И. Г. Пидопличка выступил с обобщающим докладом об „Истории фауны и ландшафта УССР в течение четвертичного времени“. Изучение палеонтологических и археологических материалов показывает общее осушение местности на территории Украины с момента окончания лёссовобразования и до настоящего времени. Причиной осушения явилось сильное понижение базиса эрозии крупных рек, которые связываются с Каспийским и Азово-Черноморским бассейнами. Уровень этих рек понижался по мере спада флювиогляциальных вод. В экстрагляциальных областях в это время существовали открытые пространства с типичной степной фауной. Сплошного облесения УССР в четвертичный период не было. Начиная с позднего плиоцена до середины четвертичной эпохи включительно, на юге УССР господствовала лесостепь с соответствующей фауной (бобр, белка, хомяк, пищуха). Во время оледенения в гляциальной области вымирают лось, благородный олень, косуля, дикий кабан, бобр и появляются только в голоцене. Появление арктических животных отмечается лишь вместе с наступившим оледенением. В голоцене они постепенно отступают на север, причем северный олень и песец удержались в Черниговской и Киевской областях до эпохи неолита. В гляциальной области в таянии льда был только один значительный перерыв, что подтверждается формированием ископаемой болотной почвы на морене. Все другие прослойки ископаемой почвы в лёссах гляциальной области имеют местное значение. Лёссовобразование связано с северными разливами флювиогляциальных вод. Степная фауна во время лёссовобразования существовала бок-о-бок с заливаемыми местами. Леса островного характера были развиты только в экстрагляциальной области. Теснейшая связь современной фауны с лесостепной флорой равнин и среднечетвертичных эпох, вполне последовательная смена лесостепного раннечетвертичного ландшафта ледниками, тундрой и лесостепью среднечетвертичной эпохи и лесом, лесостепью и степью позднечетвертичной эпохи дает основание считать, что повторяемость оледенений в данной местности не было.

Истории ландшафта УССР, статиграфии четвертичных отложений и изменению климата были посвящены также доклады Ю. Д. Клеопова (Киев) „История ландшафта УССР на основании современного распределения растительности“; Л. Ф. Лунсгергаузена (Киев) „Тектоника и стратиграфия четвертичных отложений УССР“; П. К. Замория (Киев) „Стратиграфия четвертичных отложений левобережья нижнего Днепра“; К. И. Макова и Г. И. Малякко (Киев) „Палеографические схемы Причерноморья“; Д. К. Зерова (Киев) „Изменение климата в послеледниковое

время на основании палеоботанических данных“.

К. М. Поликарпович (Институт истории БССР, Минск) сообщил о результатах раскопок стоянки Бердыж в 1938 г. Докладчику удалось установить, что культурные остатки этого местонахождения залегают не *in situ*, а смыты с вышележащих мест еще в четвертичное время. Установление этого факта дает объяснение тому положению, что более молодые по возрасту культурные остатки, датированные верхним палеолитом, лежали ниже более древних.

Результаты исследований палеолитических стоянок в последнее время в районе Костенок на Дону были отражены в двух докладах.

А. Н. Рогачев сделал доклад о раскопках стоянки Костенки IV в 1938 г.¹

„Геологическому изучению палеолитических стоянок на р. Дон в районе Костенки — Боршево“ был посвящен доклад М. Н. Грищенко (Воронежский с.-х. инст.).

Правый берег Дона в районе стоянок представляет собой высокий меловой уступ, расчлененный густой сетью оврагов, среди которых преобладают циркообразные формы, обязанные своим происхождением, повидимому, древнему карсту в меловой толще. В районе палеолитических стоянок и их окрестностей, кроме поймы, устанавливаются пять древних террас, из них только третья терраса (выс. 50—60 м) частично связана с риской ледниковой эпохой и сложена из песчано-глинистых осадков рисс-вюрмского межледниковья. Две более низкие молодых террасы относятся к вюрмской эпохе и состоят из осадков двух интерстадиалов вюрма. Вторая надпойменная терраса (выс. 20—25 м) сложена из алювиальных песков и глин. В верхней части она перекрыта мощным слоем делювиальных суглинков, содержащих прослойку погребенной почвы. На этой террасе расположена группа стоянок (Костенки I, Костенки II, Тельманская, Боршево I), датированые, кроме Костенок II, ориньяко-солютрейским временем. Стоянки расположены в глубине оврагов, в толще суглинков над погребенной почвой. Учитывая те обстоятельства, что формирование второй надпойменной террасы относится к первому интерстадиалу вюрма, а также залегание остатков над погребенной почвой, — время поселения человека можно более точно определить второй половиной первого интерстадиала вюрма. Первая надпойменная терраса приподнята на 6—10 м. Она сложена из алювиальных песков, прикрытых сверху бурными делювиальными суглинками и почвой. На этой террасе расположена вторая группа стоянок (Боршево II и др.), кото-

¹ Краткие сообщения..., вып. I, 1939, стр. 18.

рые приурочены к толще делювиальных суглинков. Эти стоянки датируются мадленом и азилом. Они расположены на более молодой вюрмской террасе и могут быть отнесены ко второму интерстадиалу вюрма.

О. Н. Бадер (ИИМК) сообщил о древних изображениях на Каменной Могиле, найденных в Мелитопольском районе между сел. Терпенье и Тамбовка, в пойме р. Молочной.¹

Попытка расшифровки смыслового значения изображений на каменной Могиле была сделана В. Н. Даниленко (ИИМК). В сообщении „К семантике изображений на Каменной Могиле“ докладчик устанавливает пять комплексов изображений.

К первому комплексу он относит изображения животных, связанные с многочисленными чашевидными углублениями. Весь комплекс связан с охотничьей магией и датируется концом палеолита.

Второй комплекс — схематические изображения животных, реже сопровождаемые чашевидными углублениями. В комплексе много различных линейно-геометрических изображений, которые могут быть объяснены как охотничьи и рыболовецкие приспособления (ловушки, загороди и т. д.). Комплекс датируется эппипалеолитом.

Третий комплекс включает линейно-геометрические изображения рыб, человеческих ступней и рук; датируется эпохой неолита.

Четвертый комплекс характеризуется изображениями лошадей. Лошадь воспринимается как соларное животное. Комплекс, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы.

Пятый комплекс, позднейший, относящийся, по видимому, к первой половине I тысячелетия н. э., представлен изображениями лошадей, иногда вместе со всадниками. Изображения на Каменной Могиле отражают отдельные этапы формирования идеологии человека.

В непосредственной близости от Каменной Могилы находится стоянка у Красного озера. О результатах раскопок этого поселения в 1938 г. было доложено на конференции О. Н. Бадером. Стоянка включает три культурных слоя: I слой (нижний) — эппипалеолитический. В нем встречены геометрической формы „микролиты“ и костяные стержни с прорезями для вкладышей. II слой (средний) — ранне-неолитический с остатками остродонных сосудов. III слой (верхний) — эпохи бронзы. На стоянке хорошо выражена стратиграфия слоев, обнаружены древние кострища, кухонные кучи с раковинами *Unio*, остатки фауны и много кремневого и костяного инвентаря.

О. Н. Бадером сделан также доклад „О вновь открытой мустьерской стоянке

в Волчьей гроте в Крыму“. Как известно, стоянка в Волчьей гроте была открыта во второй половине прошлого столетия К. С. Мережковским, но считалась утерянной. В 1938 г. она была вновь открыта Крымской экспедицией. Главная масса находок была сделана на площадке перед гротом. Культурный слой здесь достигает мощности 175 см. В нем встречено много костей животных, среди которых преобладают кости лошадей. Кремневый инвентарь состоит из мустьерских небольших, двусторонних рубил, скребел, острокопечников и т. п. Стоянка Волчий грот близка по возрасту к стоянкам Чокурча, Аджикоба и верхнему слою Киикоба.

О последних работах по изучению позднепалеолитических стоянок в районе Черкес-кермена (Крым) сообщил Д. А. Крайнов (Москва). Докладчик охарактеризовал раскопки в навесе Землякоба II, давшем находки от позднего палеолита до эпохи средневековья.

О раскопках грота Мурзак-коба в 1938 г. сообщила С. А. Трусова (Гос. Эрмитаж). Как известно, в гроте в 1936 г. было найдено погребение двух кроманьонцев в тарденуазском слое. Раскопками 1938 г. была вскрыта вся площадь грота, обнаружены древние очаги, большое количество кремневого инвентаря и поделок из кости. Среди кремневых орудий встречены геометрические микролиты, скребки, резцы, проколки и т. п. Особо следует отметить находки костяных гарпунов. Выяснилось, что грот имеет три этапа своего образования, четко прослеживаемых по ярусам. Средний (второй) ярус грота был заселен в азийско-тарденуазское время. Под осевшим скалистым полом второго яруса, на глубине более 150 см от нижней его границы, в глинистых, сильно щебнистых отложениях встречен еще один культурный горизонт; в нем найдено несколько десятков отщепов и осколков кремня, расположенных близ небольшого очажного пятна. Точно датировать этот комплекс находок пока трудно. Сравнивая материалы, добытые в процессе раскопок, с материалами из других стоянок, докладчик сделал ряд выводов, характеризующих позднепалеолитическое время в Крыму.

Н. И. Николаев (ГИИИ, Москва)¹ в докладе „Геология палеолита Крыма“ дал новую и оригинальную геологическую схему увязки возраста пещерных поселений с образованием террасовых уступов речных долин Крымского нагорья.

М. З. Паничкина (ИИМК) сделала сообщение о раскопках С. Н. Замяткина в Ахштырской пещере на р. Мзымта, Адлеровского района, Краснодарского края. Пещера содержит пять культурных слоев. Два нижних слоя относятся

¹ Краткие сообщения . . . , вып. I, 1939, стр. 23.

¹ Доклад на конференции представлен в письменном виде.

к эпохе мустье, средний — к эпохе верхнего палеолита, и верхние слои — к неолиту. Наибольший интерес представляет находка ручного рубила в самом нижнем слое. Эта находка позволяет установить хронологическое взаимоотношение нижнего слоя Ахштырской пещеры с другими местонахождениями Кавказа.

О новых геологических и археологических наблюдениях, сделанных в Абхазии в 1938 г., доложил Л. Н. Соловьев (Сухуми). По инициативе Сухумского музея был обследован грот Холодный у Цебельды. В нем оказался хорошо выраженный тарденуазский слой, содержащий, кроме кремневых орудий и костей животных, кости человека. В другом гроте, Кет-кабае, тоже обнаружены следы стоянки тарденуазского возраста. Аналогичные находки были сделаны и в одном из гротов в ущелье р. Кодора. В 1938 г. были обнаружены новые стоянки открытого типа, относящиеся к древнейшим этапам развития палеолита. Так, на стоянке Красный Яштух встречены орудия шельского типа с примесью мустьерских форм. На стоянке у с. Апухово собраны орудия мустьерских типов вместе с более древними формами орудий. Названные стоянки увязываются с морскими террасами.

Обзор последних работ по изучению памятников Колхидской низменности дал А. А. Иессен (ИИМК). К настоящему времени в Колхиде зарегистрировано около 500 различных памятников, датировка которых в большинстве своем остается не совсем ясной. Отсутствие памятников на этой территории от первого века н. э. до XVII в. н. э. свидетельствует об интенсивном заболачивании низменности в это время. Очередной задачей является уточнение датировки памятников. Это должно внести ясность в процесс и время заболачивания низменности.

Ряд докладов на конференции отражал большие успехи советской археологии в деле изучения новых территорий, где были обнаружены палеолитические памятники.

А. П. Окладников (ИИМК) выступил с докладом „Палеолитический грот Тешик-таш в Узбекистане“. ¹ Грот Тешик-таш расположен в долине р. Турган-дарья, у кишлака Мачай. При раскопках грота вскрыто пять культурных слоев, отделенных друг от друга стерильными прослоями. Кремневый инвентарь, собранный при раскопках состоит из дисковидных и клеусов, грубых рубящих орудий, скребел, остроковечников и т. п. Среди раздробленных костей обнаружены костяные ретушеры и наковаленки. Весь собранный материал позволяет датировать стоянку мустьерским временем. Особенно ценной находкой в гроте было открытие

погребения ребенка. Интересно отметить что остатки скелета неандертальского ребенка находились в окружении рогов козла. Стоянка является первой для Средней Азии, Сибири, а также Монголии и Манчжурии находкой мустьерских остатков культуры.

Антропологическим особенностям скелета из грота Тешик-таш был посвящен доклад М. А. Гремяцкого. ¹ Докладчик подробно остановился на антропологических признаках скелета, которые он считает типично неандертальскими.

В. И. Громова (Зоол. инст., Ленинград) в докладе „Млекопитающие мустьерской стоянки Тешик-таш в Средней Азии“ охарактеризовала состав фауны из грота. Большинство костей принадлежит козлу, сибирскому козерогу, которые и сейчас населяют горы Азии. В небольшом числе найдены кости кабана, леопарда и барса, затем кости сурков и пищухи. Из степных животных могут быть отмечены кости лошади. Весь состав фауны не имеет существенных отличий от современного, это может быть объяснено слабым влиянием ледниковых явлений на территорию Средней Азии.

О новой палеолитической стоянке у с. Остров, недалеко от г. Перми, на р. Чусовой сделал доклад М. В. Талицкий (ИИМК). Культурные остатки на Островской стоянке залегают под 11-метровой толщей отложений. Культурный слой заметен на срезе в виде линзы, длиной около 8 м, толщиной 8—10 см. Найдено несколько десятков кремневых и сланцевых орудий и отщепов. Интересна сланцевая плитка с двумя полосами, нанесенными красной краской. Фауна, найденная на стоянке, состоит из следующих видов: мамонт, носорог, северный олень и козуля (?). Датировка стоянки не переходит границы второй половины верхнего палеолита. Островская стоянка является самой северной палеолитической стоянкой в СССР. Открытие ее позволяет поставить поиски стоянок палеолита в бассейне рр. Камы, Волги и др.

С. Н. Бибииков (ИИМК) в своем докладе „Палеолит Южного Урала“ сообщил об открытии на территории Ю. Урала в бассейне р. Юрюзани палеолитических стоянок. Остатки встречены в двух пещерах—Бурановской и Ключевой. В обеих пещерах ясно прослеживались культурные слои, насыщенные угольками и костями животных, среди которых определены следующие виды: носорог, медведь, сев. олень, песец, лошадь, первобытный бык и т. д. Кремня в культурных слоях встречено немного, что объясняется почти полным отсутствием его в районе пещер и, следовательно, экономией расходовании его первобытным человеком. Изученные стоянки представляют собой тип временных стоянок, так как пещеры

¹ Краткие сообщения . . . , вып. II, 1939, стр. 8.

¹ Доклад представлен в письменном виде.

вследствие сырости вряд ли могли служить постоянными убежищами. Обнаружение стоянок на Ю. Урале дает перспективы увязки палеолита Европейской и Азиатской части СССР.

В. И. Громов дал обзор четвертичной фауны, собранной за последнее время на Ю. Урале и на Островской палеолитической стоянке. Список фауны Урала включает сейчас 34 вида. Наибольший интерес представляют остатки пещерного медведя и гиены (Усть-Катавская костеносная пещера), которые были известны только из Крыма. Палеолитическая фауна Ю. Урала в общих чертах обнаруживает сходство с фауной Крыма. Обработка фаунистических остатков даст возможность осветить историю развития фауны и ландшафта на этой территории.

Изучению сибирских стоянок был посвящен доклад Г. П. Сосновского (ИИМК) „Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири“. В докладе был дан обзор новых данных по палеолиту Ю. Сибири и соседних районов Центр. Азии. На Алтае С. М. Сергеевым обнаружена стоянка около г. Бийска у истоков р. Оби. Культурные остатки залегают в лёссовидном суглинке верхней и нижней надлуговой террасы. При разведочной раскопке вскрыто одно кострище. Найденные каменные орудия по типу близки к инвентарю поселения Сростки на р. Катунь. Докладчиком установлено наличие палеолита у западных склонов Алтая в долине р. Иртыша. Из района г. Кызыл-хото в верховьях р. Енисея (Тувинская Народная Республика) также имеется находка каменных орудий палеолитического типа. Интересные данные получены при выяснении распространения местонахождения древнекаменного века на юге Минусинской котловины. Они группируются по берегу древнего высохшего русла р. Енисея. В заключительной части доклада были высказаны соображения относительно хронологических отличий и региональных особенностей палеолитических памятников Сибири.

Изучению древнейшего периода в истории заселения крайних северных областей СССР был посвящен доклад Б. Ф. Землякова (Сов. секция INQUA, Ленинград). В докладе о геологических условиях залегания „арктического палеолита“ Земляков кратко остановился на характеристике этих памятников. Подчеркнув спорность и значительную трудность археологической датировки памятников „арктического палеолита“, он изложил геологические условия залегания находок, приуроченных в районе побережья Арктического океана к древним пляжам, расположенным между границами трансгрессий Portlandia и Tapes II. Новые находки памятников, близких к арктическому палеолиту в бассейне Онежского озера (Медвежьегорск), по своим геологическим условиям отвечают, приблизительно, тому же времени, совпадающему с анциловым

веком Балтики. Близость археологического материала и геологических условий позволяет сблизить новые находки с ранее известными мезолитическими памятниками побережья Арктического океана. Таким образом новые находки полностью подтверждают геологическую датировку, данную докладчиком ранее.

Г. Б. Никольский (Москва) в докладе „Остатки рыб в древних стоянках человека на территории СССР“ остановился на характеристике остатков рыб, собранных на древних поселениях в различных районах Союза. Докладчик приходит к выводу, что ихтиофауна из палеолитической стоянки Сюрень I в Крыму носит современные черты (кроме нижнего слоя, где встречен лосось). Второй комплекс ихтиофауны собран на Новгород-Северской палеолитической стоянке, он также свидетельствует о том, что климатические условия были близки к современным. На стоянке найдены кости лосося, плотвы, леща, судака, сома, окуня и щуки. Значительно шире представлены остатки рыб из неолитических поселений, главным образом на севере Европейской части СССР. Материалы из Ладожского озера дают преобладающее число теплолюбивых форм (сом и др.), лососевые составляют всего 3—4%. Это явление объясняется связью Ладожского озера с Балтийским морем. Значительно больший интерес представляет фауна Белого моря в суббореальное время. Фауна бассейна Онеги дает 40% видов, не встречающихся в бассейне Белого моря. В общем же комплекс представляет собой типично понтийский, где значительное место занимают карповые (22%). В современных горизонтах они составляют всего лишь 1%. Таким образом ихтиофауна из неолитических поселений носит более теплолюбивый характер.

С докладом „Значение пыльцевого метода для определения геологического возраста неолитических стоянок СССР“ выступила И. М. Покровская (Ленинград). В последние годы пыльцевой метод начал применяться при изучении палеолитических и мезолитических стоянок. Докладчиком обработана серия образцов из таких стоянок. Пыльцевой анализ является хорошим подсобным методом для более точного определения возраста стоянки и ее стратиграфического положения. Пока пыльцевой метод может с успехом применяться, главным образом, при изучении стоянок, расположенных в северной половине Европейской части СССР, так как для этого района имеется более или менее хорошо разработанная на основании данных пыльцевого анализа стратиграфическая схема четвертичных отложений. Пыльцевые диаграммы стоянок с Рыбачьего полуострова, у с. Вознесения на Онежском озере, района верхней Волги у Скнятина достаточно хорошо определяют возраст этих стоянок. Так, наиболее „молодой“ является стоянка на Рыбачьем

полуострове, которая датируется при помощи пыльцевой диаграммы субатлантическим периодом, стоянка у с. Вознесения будет несколько старше и относится к суббореальному времени, как и стоянки верхней Волги. Наиболее древней из интересных в отношении содержания пыльцы древесных пород является стоянка Скнятино. Она предположительно (встречено мало пыльцы древесных пород) датируется атлантическим периодом. По археологическим данным первые две стоянки являются неолитическими, последняя мезолитической.

М. М. Герасимов (ИИМК) поделился предпринятыми им в недавнее время опытами по реконструкции физического облика древнего человека. В основу преданной работы М. М. Герасимов положил данные измерений толщины мускульного покрова лица современного человека (европейцев, монголов, негров). В ряде случаев докладчик использовал трупы и черепа. В разработке темы существенное значение приобрела рентгенография. Строение глаз докладчик реконструирует по показаниям внешнего края и формы орбиты, мягкие части носа — по данным лицевой части черепа. Реконструкция подбородка определяется направлением угла челюсти и т. д. Доклад сопровождался диапозитивами с готовых реконструкций неандертальского подростка¹ (по черепу из Тешик-таш), кроманьонцев мужчины и женщины (по черепам из Мурзак-коба) и неолитического человека (по черепам из Оленеостровского могильника).

На заседании палеонтологической секции были заслушаны следующие доклады:

А. А. Браунер (Одесса) — „О домашних животных причерноморско-азовских степей в далеком прошлом“.

В. И. Громовой — „История четвертичных лошадей“.

Рошина (Одесса) — „О находках костей пещерного медведя в Одессе“.

Г. А. Гапонова (Одесса) — „Палеонтологический материал из карстовых пещер у Одессы“.

Е. И. Беляевой (Москва) — „Новые данные о палеонтологических находках в Поволжье и на Кавказе“.

В. И. Зубаревой (Киев) — „Ископаемые плиоценовые и четвертичные птицы УССР“.

Н. И. Бурчак-Абрамовича (Киев) — „Фауна верхнепалеолитических стоянок сел. Довгиничи и Ямбург“.

Широко развернувшиеся прения по докладам, прочитанным на конференции, внесли много нового и оригинального в отдельные проблемы комплексного изучения четвертичного периода. На организованной в связи с конференцией выставке были показаны многочисленные экспонаты, послужившие иллюстрацией к сделанным докладам.

Участникам конференции была предоставлена возможность ознакомиться с коллекциями Исторического музея, Зоологического музея АН УССР, а также осмотреть место Кврилловской палеолитической стоянки и обнажения правого берега Днепра в районе Киева.

На заключительном заседании конференции была принята резолюция, отмечающая успехи исследований в 1938 г. и намечающая основные линии дальнейшей работы по наиболее актуальным проблемам, связанным с изучением четвертичного периода.

Необходимо отметить широкое гостеприимство, оказанное съезжавшимся со всех концов Союза участникам конференции со стороны научной общественности Киева. Четко организованная работа коллектива Института археологии АН УССР во многом способствовала успешным занятиям конференции.

С. А. Трусова

3. ЭКСКУРСИЯ УЧАСТНИКОВ КИЕВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В БАССЕЙН Р. ДЕСНЫ

По окончании работ конференции, участниками ее была совершена трехдневная экскурсия в бассейн р. Десны для осмотра новых палеолитических местонахождений района Новгород-Северска и ознакомления с геологией этих памятников.

Первая экскурсия 19 мая была посвящена осмотру террас долины р. Десны и Новгород-Северской палеолитической стоянки, где находки были обнаружены на размытой поверхности бучакских песков, между обрушившимися глыбами песчаника под слоем делювиального лесовидного суглинки.

¹ Краткие сообщения..., вып. II, 1939, стр. 9.

20 мая участники экскурсии знакомылись с многочисленными стоянками в окрестностях с. Пушкарей, детально изученными работами Деснянской экспедиции Института археологии АН УССР и ИИМК АН СССР.

Здесь же в окрестностях с. Пушкарей экскурсанты имели возможность изучить условия залегания культурных остатков стоянки азыльского типа (Пушкари VII), связанных с делювиальными отложениями аналога боровой террасы Десны.

21 мая экскурсанты осматривали местонахождения верхнепалеолитических стоянок Чулатово I и Чулатово II, а также условия залегания орудий мустьерского облика, найденных в песках флювиогляциального типа, залегающих страти-

графически ниже горизонта морены (рисского возраста) в карманах коренных пород. Некоторая неясность в условиях залегания не дала возможности вынести окончательного суждения о геологическом возрасте этих находок.

В целях установления стратиграфических соотношений отдельных геологическими памятниками, в конце экскурсии были осмотрены грандиозные геологические разрезы по оврагам окрестностей д. Араповичи, вскрывающие единственную в этих местах морену (рисс), подстилающие ее слои песков и лёссовидных суглинков с двумя горизонтами погребенных почв, а также прикрывающие морену слои лёссовидных пород с двумя (местами тремя) горизонтами погребенной почвы.

В результате оживленных дискуссий, развернувшихся на протяжении всего периода работ экскурсии, было установлено наличие в районе Новгород-Северска трех разновозрастных верхнепалеолитических комплексов, датируемых временем

от середины верхнего палеолита солютрематлен до азиля. В отношении мустьерских находок Чулатова III окончательного суждения о возрасте их вынесено не было.

Во время пребывания экскурсантов в Новгород-Северске было проведено два заседания. Первое заседание происходило совместно с интеллигенцией города. Участники конференции рассказали об итогах пленума и о перспективах дальнейшей работы. Представители интеллигенции отмечали тот большой интерес к занятиям конференции со стороны населения, который был вызван приездом ученых. Второе заседание имело целью подвести итог работе конференции на экскурсии.

Деснинская экскурсия явилась первым опытом широкой постановки тесной совместной работы археологов и геологов, блестящий успех которой выдвигает настоятельную необходимость дальнейшего закрепления этого опыта в будущих конференциях.

Б. Ф. Земляков

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Доклады на пленуме Института, посвященном древней истории Западной Украины	3
1. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. — Е. Ю. Кричевский	—
2. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. — М. К. Каргер	14
II. Статьи	22
К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владими́ро-суздальской архитектуры XII—XIII вв. — Н. Н. Воронин	—
III. Доклады на сессии Отделения истории и философии	28
Урарту и Закавказье. — Б. Б. Пиотровский	—
IV. Полевые археологические исследования	35
1. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал). — С. Н. Бибиков	—
2. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ. — Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев	39
V. Информации	43
1. О первом томе „Истории русской культуры“. — Н. Н. Воронин	—
2. III конференция по изучению палеолита. — С. А. Трусова	44
3. Экскурсия участников Киевской археологической конференции в бассейн р. Десны. — Б. Ф. Земляков	52